

Александр Зеле

Пылающий восход

16+

Александр Зеле
Пылающий восход

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Зеле А.

Пылающий восход / А. Зеле — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Семь сотен лет Великая Долина приходила в себя после чудовищной войны против существа, считавшегося богом. В один из дней у границ одного из городов-государств объявляется человек в лохмотьях. Его появление сразу же вызывает беспокойство у местных жителей. Подозревая неладное, они рассылают письма, прося о помощи. Тем временем далеко на юге, племена кочевников, проявляют доселе невиданную наглость и жестокость. Нападение на один из самых крупных и богатых городов Торговой Картели вынуждают девушку Ташу и ее дядю Халэна спастись бегством, покидая родные места.

© Зеле А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Александр Зеле

Пылающий восход

Пролог

С рассветом тьма обретает очертания, с закатом свет утопает в ночи. Время идет, эпохи сменяют друг друга. Снега тают, образуя моря. Моря наводняют пустыни, вытесняя песок. Песок становится породой и горные массивы возвышаются там, где некогда были бескрайние долины, а их пики покрывает белоснежный снег.

Три материка, окруженные темными водами, прижимались друг к другу. Они были здесь давно, они видели начало эпохи и ощущали весь груз прошедших лет.

Северный не имел имени. Холодный, заснеженный, он часто являлась морякам туманным белым призраком где-то далеко на горизонте. Его никто не искал, к нему никто не стремился. Материк-изгой, просто был всегда где-то рядом, но в тени своих братьев.

Южный же наоборот был обласкан вниманием. Он носил имя – Кальдера. Зеленый, заросший и непроходимый, он манил к себе исследователей и год за годом экспедиции росли и укреплялись на его берегах.

Центральный – Тирьера, вобрал в себя все минусы и плюсы братьев. В его сердце цвела огромная зеленая долина, окруженная цепью гор, размыкавшимися узкими перешейками с севера и юга.

Великая Долина или Мидленд, как звали его местные, подразделялась на пять владений, каждое из которых было, вполне, самостоятельным и независимым в границах своих владений. Решение же вопросов, затрагивавших жизнь всех территорий, принимались на Совете Пяти, в который входили владыки Тиретхолла, Ансельма, Рейвина и Лордсхена, а также Великий Магистр земель Рид.

Юг Тирьеры был красив, обжигающе горяч и коварен. Его называли Айленд. Сюда не залетали холодные ветра, здесь никогда не видели снега, а в самой его глубине разрасталась пустыня. Прибрежными землями и границами с Мидлендом управляла Торговая Картель – состоящий из хрупкого объединения купцов, который мог сменить свой состав за неделю по два раза. Пустыня же принадлежала кочевникам, которые в своих владениях, не задумываясь, нападали на караваны и грабили любого случайно забредшего путника.

Север материка был безжизнен и носил соответствующее имя – Мертвые земли. Всю его видимую часть покрывала толстая корка льда, с ползающими по ней, словно огромными жуками, барханами снега.

Таким был мир, таким он стал... Таким он уйдет, едва уловимые искры еще только мерцают в разных частях света, предвещая новый восход.

Но одна из них мерцает ярче всех других.

Искра...

Все начинается с малого. Лавина со снежка, ураган с порыва, а пламя с искры. Она зажглась в окружении льдов, на самой окраине Мидленда.

Крепость Хостраш была последним оплотом цивилизации на пути к Мертвым Землям, являясь укрепленным форпостом, предназначавшимся для наблюдения за возможной угрозой с севера, она всем своим видом вопила об опасности, что когда-то угрожала жителям Великой Долины.

Время шло, цитадель ветшала, когда-то древние стены, выстроенные вдоль границ, уже давно сточили холодные ветра и засыпала вьюга, сейчас о них напоминали лишь едва уловимые очертания холмов снега, тянувшихся от крепости куда-то к горам на горизонте.

Древняя обитель – твердыня северных земель, имела двадцать четыре башни, торчавшие из зубчатого панциря. Сам замок напоминал огромного дикобраза с длинными черными иглами, вершины которых скрывались высоко за облаками.

Местность в этих краях была скудной, как на растения, так и на всякого рода живность. С юга к крепости примыкал массивный темный лес, в народе называемый каменным, за его холод и безжизненность. Изредка меж темных деревьев можно было заметить оленя, отбившегося от своего стада и по ошибке забредшего так далеко на север, что же касается более мелких животных или птиц – все они старались держаться как можно дальше от заснеженных земель, раскинувшихся с северной части крепости.

Крепость заложили во время бушевавшей войны с орденом Аргхзура – культа огненного демона, как его прозвали в народе, предполагая, что Норгхстор мог попытаться поддержать своего родного брата, покинув свои северные владения и отправившись войной на Долину, но, к счастью, этого так и не произошло.

Растянувшись почти на целый век, строительство самой твердыни было окончено спустя семьдесят лет после разгрома ордена и низвержения демона. Изначально была возведена лишь одна стена, препятствующая прорыву, и четыре дозорных вышки на горном перевалке, соединявшем долину с ледяной пустыней. В те дни самым ценным считалось время. Армия всегда могла подойти из земель Тиретхолла, поэтому основной задачей, тогда еще башен Хостраша являлось наблюдение и дозор.

Свои лучшие времена крепость пережила спустя двести лет после окончания войны, в ту пору четыре обветшавших вышки попытались восстановить, но в ходе работ было решено пристроить к ним еще двадцать. Строительство началось бурно и второпях, так словно бы война все еще продолжалась, отчасти это было обусловлено нежеланием строителей надолго задерживаться в столь суровом климате. Так или иначе в ходе масштабного ремонта восстановить удалось лишь две дозорные вышки одну в восточном крыле, другую в западном, центральная или как ее еще именовали южная, самая древняя из четырех, оказалась настолько крепкой, что казалась была построена вместе с двадцатью новыми, северная же напротив уже давно осыпалась и рухнула, как только на ней начались работы. В то время в этом увидели добрый знак, посчитав что южные земли с набирающим в нем силу новым государством будет процветать, а северный враг давно побежден. Впоследствии были возведены и переходы между остроконечными пиками, окончательно закрепив за крепостью звание цитадели.

Первое время строители полагались на камень, как это и было принято в самой Долине, но в скором времени поняли, что он не способен противостоять тем ветрам, что обдували замок со всех сторон. Дозорные часто погибали, превращаясь буквально в ледяные статуи прямо на своих постах. Ходили слухи о магической природе ветра, исходящего из морозной пустыни. Лучшие строители и инженеры ломали голову над задачей по укреплению и утеплению цитадели.

Именно в тот момент крепость начала обретать свои окончательные очертания, выход был найден и вскоре древние стены покрылись смолой и миллионами осколков обсидиана. Из-за чего крепость стала переливаться мертвенно-бледными красками, а по долине пошли слухи о мертвецах, наблюдавших за севером. Конечно же все это были выдумки, подпитываемые страхом перед мало изученной частью материка, да и лорды Долины не гнушались всякий раз напоминать населению о непобежденном враге и желании его разобщить объединенные народы. Слухи распространялись быстро и обрастали все новыми небылицами, ведь единицы из жителей долины действительно бывали в крепости, зато каждый считал своим долгом поделиться историей о древнем демоне и вечных защитниках.

Сэр Джон Форкстон, рослый мужчина пятидесяти восьми лет, был шестнадцатым комендант-командующим крепостью Хостраш уже добрых тридцать лет. Его лицо когда-то обрамляла львиная грива иссиня-черного цвета. Теперь же подернутые сединой волосы были коротко подстрижены и жесткой колючкой выступали на лысеющей голове. Но хоть он и носил гордое звание командующего, в крепости он был единственным солдатом, потому, как последние воины из гарнизона Хостраша покинули древнюю обитель еще задолго до появления Джона на свет. Уже пять поколений командующих заботились о заброшенной цитадели и руководили несколькими небольшими поселениями, образовавшимися вдоль границы.

Высокое звание никак не выделяло его среди населения этих суровых краев. Он носил обычные шерстяные бриджи с поясом из выдубленной кожи, поверх которого был одет пепельного цвета камзол.

Распорядок дня в крепости не менялся долгие годы. Лорд Еж (так нарекли местные жители одно из комендантов далекого прошлого и теперь этот шуточный титул-прозвище стал неотъемлемой частью богатой истории Хостраша) просыпался одним из самых первых. Он спускался в большой зал, который теперь напоминал помещение огромной опустевшей таверны. Там его уже ожидал горячий завтрак. Сегодня на столе стояла телятина под Серкский соусом, а в печи доходил карп с лимонами и яблоками. Хотя угроза, исходящая с севера, уже давно стала не более чем страшной сказкой, коей пугают непослушных детей, провизии замок получал в достатке.

Вскоре к Джону присоединялись и другие, пробуждавшиеся от сна, обитатели замка. Численность их была невелика. Первым ковылял Аик Хартер – глава строителей. Он приезжал со своей бригадой раз в полгода, из близлежащий земель Тиретхолла для осмотра древней стены и самой крепости. За ним шел мажордом Калэн, в чьи обязанности входило вести летописи и учетные книги Хостраша, а также поддерживать связь с Советом Пяти. Одним из последних забегал широкоплечий великан – мастер Хосмуд, отвечавший за немногочисленные лечебные травы, которые сам же и выращивал. Его задачей было лечение обитателей замка и населения близлежащих деревень, располагавшихся в подконтрольных крепости землях. Хватая пару мисок с похлебкой, он сразу же возвращался в изолированное крыло цитадели, где содержались больные. Самым же последним, как правило, прибывал Янокс Кириг – глава Белой Гвардии.

Его небольшой отряд брал название от войска когда-то базировавшегося в крепости и охранявшего границу, но, по сути, ныне существующая гвардия была всего лишь группой местных необученных крестьян, считавших своим долгом охранять родные земли, как когда-то это делали их деды и прадеды. Боевым опытом они, конечно же, не обладали, но вполне могли поддерживать порядок в округе.

Все это время по залу сновали сонные строители, конюхи, стюарды и прочие жители замка.

Позавтракав, Джон уже собирался отправиться в конюшню и начать ежедневный обход территории, как заметил бегущего к нему мальчишку – помощника мажордома.

– Сэ...р, мгх..., сэр, там во дворе человек. Он хочет пересечь границу и отправиться на север, – мальчик глотал слова, пытаясь перевести дыхание после утомительной пробежки.

Уже многие годы никто даже не задумывался о том, чтобы покинуть долину и направиться на север материка, не говоря уже о том, чтобы лично явиться в крепость и требовать пропустить его через закрытые многовековые ворота.

– Проводи его в мой кабинет, Рик, – спокойно ответил Джон запыхавшемуся мальчугану.

– Да, сэр, – помощник мажордома тут же рванул обратно к выходу из зала.

В обязанности командующего входило вести списки и оповещать совет о перемещении лиц через границу, но каких-то учетных книг или перечня лиц в крепости уже давно не суще-

ствовало. Может быть, они когда-то и были, но необходимость вести что-то подобное отпала давным-давно.

– Кто в здравом уме поедет туда, да и зачем? – думал он про себя, поднимаясь к странному гостю.

Кабинет командующего располагался в южной башне – самой высокой из всех двадцати четырех, а именно на ее вершине, наименовавшейся Облачным Часовым, благодаря тому, что из ее окон открывался вид на всю территорию земель Хостраша и огромную безжизненную пустыню Мертвых Земель. Она была одной из первых четырех древних башен и в отличие от остальных имела окна, выходящие на все стороны света. Отсюда были хорошо видны местные поселения ближайших владений, а вдалеке отчетливо различались очертания замка Тиретхолл. Каждый раз, наблюдая за бескрайней мертвой пустыней, Джон как никто другой понимал всю бессмысленность путешествия в глубь этой безжизненного края.

Согласно летописям, в последний раз граница пересекалась семьсот лет назад. Тот год ознаменовала победа над орденом Аргхзура, и объединенные войска считали себя несокрушимыми. Тогда сэр Джаред Йорг – глава Белой Гвардии и первый комендант-командующий Хостраша отправился с небольшим отрядом на разведку. Спустя неделю дозорные сообщили, что заметили очертания лагеря, сливавшегося с линией горизонта и еле различимые струйки дыма, поднимавшиеся к холодному белому небу.

В Хостраш прибыли властители всех пяти владычеств, в надежде выслушать доклад командующего о том, что ждет их на севере, но после того, как отряд гвардейцев, наконец, достиг массивной арки ворот, вернувшись в родную обитель, боевое рвение и решимость лордов продолжать военный поход тотчас исчезло.

На север отправлялись лучшие воины Белой Гвардии, они доблестно сражались против культистов ордена Аргхзура, но домой вернулись искалеченными, обезумевшими стариками. Сильные, здоровые воины поседели и обмякли, словно бы прошли десятилетия после их отъезда. Многие были тяжело ранены, другие бредили, выкрикивая какую-то чушь, некоторые и вовсе молчали, не сводя глаз с одной точки. Из немногочисленного отряда домой вернулись единицы, часть из которых лишь благодаря тому, что намертво вцепились в поводья своих лошадей.

Из двадцати переживших поход гвардейцев пятнадцать более никогда не проявляли признаков разума. Сэр Джаред и оставшиеся пять мужчин, сохранивших рассудок, отказались рассказывать о произошедшем с ними собравшемуся в крепости совету и в последствии даже не упоминали об этом походе. Вскоре все они, включая комендант-командующего оставили службу и покинули Хостраш, поселившись глубоко в Мидленде, как можно дальше от северных земель.

Джон с трудом поднялся по винтовой лестнице. Отворив массивную дубовую дверь, ведущую в кабинет, он вошел в небольшое круглое помещение. Комната освещалась четырьмя узкими окнами, из которых пробивались блеклые лучи солнца.

Между ними стояли стеллажи книг, слева от входа находился каменный постамент, предназначенный для воронов Тиретхолла.

Каждое из пяти владычеств имело своего вестника. У Тиретхолла были вороны, Лордсхен предпочитал голубей, земли Рид, где находился Солас Мор – магистрат ордена Ирдром, использовал ястребов, Ансельм посылал особый вид черных волков. Темные подземелья крепости Рейвин приютили летучих мышей-альбиносов.

Крепость же Хостраш не являлась самостоятельной и была подконтрольна совету, но также имела своего вестника и земли. Еще первые дозорные приручили грациозных снежных барсов, приходивших на запах пищи. С тех пор в крепости был вольер, где жили эти грозные и величественные существа. К сожалению, за прошедшие века они остались единственными из своего вида.

Что касается воронов Тиретхолла – они были приучены лететь прямо к Облачному Часовому, и теперь, сидя на жердочках, взирали на незнакомца со своего возвышения.

Правее постамента, в центре кабинета командующего, располагался резной стол из кедрового дерева. Перед ним на небольшом стуле сидел темноволосый юноша, с ног до головы одетый в густой черный мех. Голову его прикрывал капюшон, а с плеч спадал длинный плащ из шкур черных волков.

– Я в своем-то возрасте с трудом к вам поднялся, как вы с этим справляетесь каждый день? Не удобнее ли жить где-нибудь в крепости? – с приветливой улыбкой обратился он к вошедшему в кабинет.

– Может быть, вы и правы, но, возможно, только благодаря этому каждодневному восхождению я все еще жив, бодр и подтянут, – с усмешкой командующий пробрался к креслу, стоящему за столом и с блаженством сел, начав пристально рассматривать странника. – Откровенно говоря, мы просто соблюдаем давно сложившиеся традиции. В этой башне жил комендант-командующие до меня и думаю, что будут жить и после, к тому же сюда приучены лететь вороны из Тиретхолла, так что я узнаю обо всех новостях первым.

– Тогда, надеюсь, я могу попросить вас выделить мне место для ночлега где-нибудь внизу, в самой крепости, и немного припасов в дорогу. Я располагаю большим запасом золота и надеюсь, что его хватит, чтобы оплатить все те неудобства, что я вам доставлю, – молодой человек достал тугой кошель, набитый золотыми монетами, и положил на стол перед собой.

– Да, конечно, я сразу же распорядюсь, чтобы вам выделили комнату, если мажордом Калэн еще этого не сделал. Наш замок почти пуст, так что могу вас заверить, что у вас будет богатый выбор.

– Буду очень благодарен, я пытался заплатить вашему конюху за своего коня, но он не принял золота. Боюсь, я не так хорошо осведомлен о правилах и законах вашего края, быть может, мне рассчитаться с вашим мажордомом?

– Золото у нас не в почете, Совет Пяти снабжает крепость всем необходимым. Но, вернемся к цели вашего визита. Мне передали, что вы собираетесь пересечь границу, это так? – Джон смотрел прямо в глаза незнакомца. Парень был так молод и собирался подвергнуть свою жизнь бессмысленному риску.

– Да, я должен что-то сделать перед отбытием? Когда я сказал, что направляюсь на север, мальчик, встретивший меня у ворот, тут же убежал, а вернувшись отправил меня сюда.

– По правилам я должен внести вас в список и оповестить Совет Пяти, – комендант встал и направился к стеллажам с древними книгами и свитками, торчавшими из разных углов.

– Есть ли возможность как-то обойти эту процедуру? Я бы не хотел, чтобы мое имя фигурировало в каких-либо документах. У меня имеется письменное объяснение от лорда Грейф-орга, что я действую от его имени и по его поручению.

Командующий резко обернулся и, широко улыбнувшись, приблизился к молодому человеку.

– Это все упрощает. Тогда я полагаю, что могу передать совету бумаги от лорда Грейф-орга. Я правильно вас понял?

– Да, там содержится все необходимое о целях моего визита в Мертвые Земли. В случае каких-то дополнительных вопросов, я думаю, милорд Грейф-орг сможет предстать перед советом лично, – парень протянул туго свернутый лист пергамента с печатью Ансельма.

– Хорошо, очень хорошо, – забрав сверток, Джон направился к столу, вновь оказавшись лицом к лицу с незнакомцем. Задумавшись на пару мгновений, командующий произнес с несвойственной ему жесткостью: – очень самонадеянное путешествие. Нам не известно, что там. Там нет жизни. Дома, где можно переночевать. Очага, чтобы согреться или хотя бы перекусить. Зачем вы туда отправляетесь? Это же равносильно самоубийству, – Джон неотрывно смотрел на юношу, он так напоминал ему собственных детей, теперь уже разъехавшихся по

всей долине. Молодой, еще совсем юнец. Командующий поймал себя на мысли, что ему жаль этого мальчишку.

– Это владения Норгхстора, – последовал хладнокровный ответ.

– Вы серьезно? Вы действительно верите в то, что эта ледяная пустыня – владения какого-то мифического бога? Да, в народе говорят, что по ту сторону стены происходит что-то странное, но уж поверьте мне. Я прожил здесь многие годы и единственное что вы там найдете, будут одни сугробы на многие мили, да голодные звери, и то если вам повезет вообще найти там что-то живое. Как и многим. мне в детстве тоже рассказывали о Великом Пророке Мартине, который воевал с падшим богом, и про заснеженные пустоши Норгхстора, где в ледяных могилах спят мертвецы. Но ведь вы сами понимаете, как дико все это звучит, – Джон откинулся на спинку кресла и грустно посмотрел на собеседника.

– В чем я могу вас заверить, так это в том, что зверей там нет. Да, людские сказки о мертвецах в промерзших могилах сильно преувеличены, но не лишены доли правды, но, к сожалению, это не самое опасное, что таится по ту сторону стены.

– Ну, хорошо, допустим, вы правы... в чем-то. Но откуда нам знать, что находится там? Быть может, там всего лишь снежные барханы и нескончаемая метель, а может, за полосой снега есть что-то живое. Другой народ, другой мир. Сказать с уверенностью это не может никто... Но... Но и отправляться туда в одиночку, полагаясь на одну удачу, это не слишком безрассудно?

– Я искренне благодарен за вашу заботу, но мне уже приходилось пересекать границу, и хотя я с ужасом вспоминаю те дни, кое-какие уроки я все же извлек, и полагаю более подготовленного человека, чем я вы вряд ли когда-либо встречали.

– Подождите. Я управляю крепость Хостраш тридцать лет и за все это время ни один человек не пересек границы, а вы... – Джон ненадолго задумался, пытаясь оценить возраст собеседника. – Вам не можете быть больше тридцати. Сколько вам лет?

– Командующий, вас никогда не интересовало, что так испугало отряд сэра Джарета? Или чего опасался Мартин, строя эту стену? От диких зверей не прячутся за боевыми крепостями.

– На юге живут племена кочевников, они часто нападают на Долину, а в трех днях езды на запад от нашей крепости находится деревня Солморн. И около восточной части стены, в горах, тоже есть где-то деревушка. Оба поселения принадлежат племенам Ульгиоров. И если вы не знали, когда-то этот северный народ жил по ту сторону стены. А уж если они могли существовать там семьсот лет назад, то я, вполне, могу допустить, что в тех промерзших краях мог жить, и кто-то еще. Я не исключаю того, что мы так же могли воевать и с предками этих самых племен. Это, кстати бы, объяснило враждебность Ульгиоров наших дней по отношению к нам, и их малую численность. Да, наверно да. Я склонен предположить, что там жили именно Уль...

– Была война, командующий, жестокая и бескомпромиссная. Многие погибли в те годы. Огромные, хорошо вооруженные армии сталкивались в чудовищных сражениях. Земля сочилась кровью. Какой численности должны были быть ваши мифические племена, раз они смогли так напугать совет? Чем они должны были быть вооружены? На стороне Долины была огромная, натренированная в боях армия, вооруженная от макушки до пят, – парень говорил с твердой решимостью и верил в каждое сказанное им слово. – Неужели вы серьезно считаете, что после разгрома воинства падшего бога объединенную армию пяти владычеств могли остановить племена каких-то северных кочевников? Каким же боевым потенциалом они должны были обладать и куда в таком случае они делись?

– Я сказал, что там могли быть, и кто-то еще, – с нажимом в голосе повторил командующий, уязвленный словами мальчика. – Хорошо, забудем об этом. Это все дела прошлого. Скажите лучше мне, что вы будете делать, если окажется, что по ту сторону границы только холодная, мерзлая пустыня, как я и говорил. Что, если все это сказки, выдуманные орденом

ради власти? Давайте я выделю вам отряд. У группы гораздо больше шансов на выживание в тех землях, и если вы все-таки ничего не найдете, то благополучно вернетесь обратно, – страх Джона больше не увидит этого глупого, дерзкого парня продолжал крепнуть, но помимо него где-то глубоко зарождалось любопытство.

– Я повторюсь, вы очень добры, лорд-командующий, но даже если вы считаете все это сказками, то кто из ваших людей рискнет отправиться со мной?

– Я не могу им приказать пойти с тобой, но я уверен, что мы найдем пару-тройку смелых парней, готовых отправиться в короткое, но захватывающее путешествие.

– Вашему оптимизму мог бы позавидовать любой, – мрачно заверил парень.

Джон встал из-за стола и направился к двери:

– Я обсужу это с главой Белой Гвардии, а вас, я думаю, уже ждет Калэн.

Пара спустилась по винтовой лестнице, где незнакомца тут же перехватил старый мажордом и увел вглубь замка.

Джон шел вдоль широких залов, и его шаги порождали гулкое эхо. Наконец, выбравшись из запутанных туннелей во двор, он устремился к конюшне, где его давно ждали гвардейцы. Их глава, оседлавший темного мерина, раздавал приказы.

Янокс был старым другом Джона. Они оба воспитывались в Рейвине, хотя сам командующий и был родом из Хостраша. Когда совет перевел его со службы стража в земли Хостраш, Джон не забыл о своем приятеле и предложил последовать ему за собой.

Янокс был худым и высоким, отчего казался неестественно длинным, его непослушные каштановые волосы торчали в разные стороны, а на лице вечно присутствовала трехдневная щетина. Еще в детстве он был непоседлив и тороплив, а в землях Хостраш, где народ привык к спокойной и размеренной жизни, это ярко бросалось в глаза. С Джоном они были одногодки, но быстрый ритм жизни Яна словно бы тормозил старение, отчего тот казался значительно моложе командующего. Именно Ян возродил Белую Гвардию, он лично набирал людей и сам придумал облачение для себя и своей армии.

В форму гвардейцев Хостраша входили светлые бриджи, отороченные волчьим мехом. Поверх шел белый дублет из грубой шерсти, к которому были пришиты сотни маленьких кусочков выбеленной кожи, отчего он походил на стены замка. В обувь гвардейцев входили либо утепленные белые сапоги из вареной кожи, либо их облегченный вариант. Дозорным также выдавался длинный и тяжелый плащ, сотканный только из шкур волков и опущенный соболем, он укутывал носившего толстым слоем меха.

– Джон, мы тебя заждались. Что скажешь про этого безумца? Говорят, он собирается на север. Я не знаю, чем соображает этот малец, но ему там придется несладко, – Янокс, как всегда, был бодр и весел.

– Ян, у нас с нашим новым другом появилась безумная затея.

– Заинтриговал, – на лице главы гвардейцев выступила лукавая улыбка.

– У тебя найдутся храбрецы, которые готовы составить кампанию этому искателю приключений в его походе? – с задором, присущим другу, произнес Джон.

– На север? Но зачем? – от былой улыбки Яна не осталось и следа. Он оглядел своих парней, собравшихся на обход территорий. – Джон, мне надо обсудить это со всеми. Я не могу просто так послать их туда, это безумие.

– Я готов, – выкрикнул кто-то из всадников.

– Я тоже с вами, – вторил ему другой гвардеец и вслед за ним свою помощь предложили все участники отряда.

– Парни, парни, это вам не пьянчуг разнимать по тавернам и кабакам. Мертвые Земли – крайне опасная территория, и отдохнуть вы сможете только у своего костра, – Ян с опаской оглядел своих подчиненных, встревоженный их энтузиазмом. – Если, конечно, вообще сможете его разжечь, – угрюмо закончил он.

– Двое – это уже компания, а нас вон сколько, всей братией не пропадем, – возразил первый из предложивших свою помощь, и толпа оживленно закивала, поддерживая юношу.

Ян завел своего коня в стойло и, спрыгнув на землю, подошел к Джону: – когда этот намерен отправляться?

– Я думаю, что завтра утром. Он попросил комнату только на одну ночь, – Джон давно не видел своего друга столь хмурым. Вечно веселый Ян, гроза всех пабов, шутник и балагур в одночасье постарел на десять лет.

– Вы. Отправляйтесь в главный зал, сегодня обхода территорий не будет, – резко выкрикнул он шумной ватаге гвардейцев. – Эд, созови караульных, и тоже отправляйтесь в зал.

– Да, сэр, – лохматый парень спрыгнул с коня и выбежал из конюшни.

Юноша был сыном Яна, но отец никогда не выделял его среди других гвардейцев. Младший Кирит напоминал Джону собственное детство. Эд был копией отца, не внешне. Черты лица он унаследовал от матери. Его русые непослушные волосы стояли торчком, а на губах только начал проклевываться первый пушок. А вот характером он полностью пошел в отца, переняв весь его задор и активность.

– Нам нужно все обсудить. К вечеру все будет известно. Честно говоря, я не горю желанием отправлять их на север, они плохо представляют, что им придется пережить, вступив на эту негостеприимную землю, – не дождавшись ответа, Ян тяжелой походкой вышел из конюшни и направился в замок.

Он надеялся, что никто из его гвардии не захочет отправляться с незнакомцем, но теперь у него оставалось совсем немного времени, чтобы переубедить собственных людей.

Весь оставшийся день Джон провел в кабинете. Первое время он бесцельно бродил из угла в угол в ожидании решения друга. Потом, снабдив форменным докладом, отослал бумаги, переданные ему юношей в магистрат ордена Ирдром. И даже несколько раз порывался написать прошения покинуть крепость и возглавить поход на север, но так и не решился его отправить.

Он откопал древние книги времен строительства первых башен, подготовил пергамент и инструменты в надежде уговорить парня составить карту пройденного им маршрута. Сотню раз прокрутил в голове каждое слово своей речи, которой он собрался убеждать его на исполнение своей просьбы.

Солнце скрылось за горизонтом, возвещая об окончании дня, когда в дверь кабинета постучали.

– Да, заходи, – командующий исследовал наброски стен и древние записи, в поиске любых материалов, которые могли бы помочь собиравшемуся отряду в дороге.

Дверь со скрипом отворилась, пропуская Яна. Пройдя в кабинет, глава гвардейцев присел на тот же стул, который некогда занимал гость, перевернувший привычный уклад жизни всей крепости.

– Я не смог их переубедить, – с грустью ответил он на вопросительный взгляд друга. – Ни один не отказался. Все... все семьдесят восемь человек, не считая нескольких дозорных, занятых в патруле. Все хотят идти. Я отобрал десятку самых опытных... – Ян замолчал, собираясь с мыслями, – ...и я поеду с ними.

Джон обошел стол, сев напротив.

– Эд тоже идет?

– Да, – с горечью прошептал Янокс.

Ян никогда не покидал границ, патрулируемых его гвардейцами. Он никогда не был в Мертвых Землях, но еще мальчишкой успел побывать в горах, граничащих с землями Рейвин. Знакомство со снегом и вездесущими ветрами не пошло ему на пользу. Сильно простыв, он пролежал в горячке несколько мучительных недель. А впоследствии, приняв приглашение друга и перебравшись в Хостраш, стал рьяно заботиться об экипировке своих людей на стене и в самом замке.

– Я... я пойду... Наверное. Помогу собираться в дорогу, – встав, он побрел усталой походкой к выходу.

– Ян, тебе нужно поспать, – только и успел выкрикнуть Джон вслед удалявшемуся другу.

Утро выдалось морозным, сонное солнце лениво выползло из-за горизонта, бросая блеклые лучи на темную крепость. Во дворе копошился народ, словно муравьи, они забежали в замок и выбегали обратно, волоча на себе очередные мешки с провизией или припасами, необходимыми в дороге.

Шли последние приготовления, на лошадей грузились вынесенные из замка тюки, вязанки дров и всевозможное оружие. Этой ночью повара поработали на славу, чего только не было собрано для похода.

Погрузки ожидали солонина и вяленое мясо, сырое было завернуто в листья акавы. Пучки кореньев, трав и всевозможных специй. Связки разнообразной рыбы, от свежей и только доставленной, до копченой и сушеной. Повара даже пытались всучить тушеное мясо с грибами и картошкой, распахав его по глиняным горшочкам, но Ян вовремя их остановил, еле сдерживая смех.

– Нас не будет всего пару дней, а то и меньше, – убеждал он поваров.

Вместе с отрядом отправлялись и Джаг с Лоном, которые теперь жалобно смотрели на свой вольер, где, кажется, собрались все барсы, провожая сородичей.

Джон не спал всю ночь, мысли никак не давали ему уснуть. Он беспокоился за друга, беспокоился за незнакомца, а тут еще и с первыми лучами солнца прилетел ястреб с ответом из Солас Мора. Гордо сев на постамент, возвышаясь над сидевшими рядом воронами, ястреб издал громкий крик, торопивший командующего забрать послание и отправить птицу обратно.

Джон освободил вестника от небольшого свертка, прицепленного к лапе, и ястреб, издав благодарный крик, вылетел в окно, скрывшись высоко за облаками. Развернув пергамент, командующий быстро пробежал глазами по тексту письма.

– Значит, они хотят поговорить с ним лично, – пробормотал он, отложив в сторону письмо. Взяв новый чистый пергамент, он вывел три коротких строчки.

“Незнакомец выехал этой ночью. Догнать его не представляется возможным, так как доподлинно не известен ни его путь, ни предполагаемый маршрут его путешествия.

*Комендант-командующий крепостью Хостраш,
Джон Форкстон”*

Скрутив бумагу, он закрепил ее тесемки печатью, оделся и широким, быстрыми шагом направился во двор.

Спустившись, командующий сразу же заметил Яна, тот снова был в отличном расположении духа и во всю отпускал шуточки по поводу обилия еды.

– Джон, вот ты где. Я уж думал, ты все проспайшь, – капитан гвардейцев направился к другу. С его лица исчезли все признаки вчерашней хандры.

– Да я даже глаз сомкнуть не смог, вы так шумели, – улыбка на лице Яна обнадеживала и приободряла измученного ночными раздумьями коменданта. – Я вижу, еды вы с собой берете в достатке. Может быть, мне послать в деревню за парой ослов? – он осмотрел бедных лошадей, обвешанных мешками, а из замка тем временем подносили все новые.

– Дааа... Это верно подмечено, представляешь, они нам даже тушеное мясо пыта... Гейл, Дарнел, ну куда вы ее еще нагружаете, на ней же еще человек поедет, – Ян побежал к двум молодым поворьятам, которые пытались прицепить к бедной лошади уже третий вьюк с провизией.

– Рик, – Джон окликнул помощника мажордома, который записывал объемы отгружаемой в поход провизии.

– Да, командующий.

– Отправь это в магистрат и как можно скорей, – он протянул мальчику, только что написанный сверток пергамента. – И еще, в какой комнате остановился наш гость?

– Хорошо сэр, я сейчас же отправлю. В комнате? Нет, он не появлялся в замке. Я лично растопил камин специально для него, но он так и не пришел.

– Как так, – подобное развитие событий меняло все планы. – Тогда где он? – тщательно выверенный за беспокойную ночь замысел, продуманные слова – все в одночасье рухнуло.

– Его видели в крепостной роще не так давно, а сейчас я не знаю где он.

– Хорошо, спасибо, – подхватив сверток, мальчик кивнул и бегом помчался к вольеру.

– Ну, в роще так в роще, – пробурчал командующий, – хорошо, попробуем обсудить все там...

Искать долго Джону не пришлось, войдя в заснеженный сад, и пройдя всего несколько десятков футов, он тут же заметил сидящего на небольшой поляне юношу. Сначала старому стражу показалось, что парень просто задремал сидя у догоравшего костра, но вскоре он заметил слабые струйки дыма, вдыхаемые им. Да, и сам костер выглядел необычно. На первый взгляд сваленные в кучу тонкие веточки вперемешку с несколькими более толстыми сучьями при внимательном рассмотрении образовывали неизвестный Джону символ, из центра которого струился дым. Нависавший над тлеющими углями парень что-то шептал, периодически ворочая головой, словно бы разговаривая с кем-то поблизости, но при этом его глаза были закрыты, и приближение коменданта он, по всей видимости, даже не замечал.

Джон осторожно подошел, стараясь не помешать, проводившемуся обряду.

– Командующий вы хотели поговорить со мной? – не открывая глаз, спросил юноша.

– Д... да, конечно. Что вы делаете? – Джон, буквально, чуть было не подпрыгнул от неожиданно прозвучавшего голоса. А всего мгновение назад он считал себя хищником, подкравшимся к добыче, а не как ни наоборот.

– Попытался осмотреть предстоящую нам дорогу. Не все сказки так беспочвенны как вы полагали, – парень засыпал землей угольки, тлеющие в центре странного костра, а закончив с этим принялся разгребать нагромождение обуглившихся веток. – Оу. Я совсем не подумал. Мне нужно было спросить у вас разрешение, прежде чем заниматься чем-то подобным?

– Нет, нет, все в порядке. В наших краях принято с уважением относиться к традициям предков, даже если это идет в разрез с политикой, диктуемой магистратом и советом. Я уже нечто подобное видел... и может быть... ммм... не знаю... – Джон замолчал, думая о том какую реакцию могут вызвать его следующие слова и стоит ли их вообще говорить. – Когда вы вернетесь, не могли бы вы рассказать об... мм...

– Обряде? – закончил парень. – Конечно мог бы, но боюсь орден будет не в восторге, если узнает о вашей заинтересованности и обязательно примет меры. Но вы ведь пришли не по этому поводу.

– Что? А... да. Ночью прилетел ястреб...

– Орден требует не пропускать меня и задержать любыми возможными средствами, – перебил парень и без того сбитого с толку старого стража. – Я благодарен вам за ответ.

– Откуда... Но... Я только что... – командующий испуганно смотрел на сидевшего перед ним человека. Рик не мог прибежать в рощу раньше него самого, да и зачем ему это делать, а значит... Он не мог осмыслить все происходящее. Да, он слышал о “магии” культистов ордена Архзура и об огненных битвах в стародавние времена, он даже видел некоторые странные обряды Ульгигов, но еще никогда ему не приходилось встречаться с прямым необъяснимым следствием подобного. А кроме “магии” он никак не мог объяснить невероятную осведомленность своего собеседника.

– Этот мир может многое рассказать, если правильно задавать вопросы, – юноша закончил убирать с земли все признаки когда-то проводимого обряда. Встав, он потянулся, разминая затекшие конечности. Видимо, всю ночь он провел сидя перед костром. – Ну что, теперь можно отправляться, – совершенно непринужденным голосом заявил он, смотря на пораженного старика.

– Вы...

– Зовите меня Нэйк, я думаю, так будет удобней, – с теплотой в голосе произнес он, пропуская собеседника вперед.

– Нэйк... Нэйк... – Джон пробовал на вкус звучание нового имени, довольно странного, незнакомого для этих земель. – Нэйк, ты когда-нибудь видел этого самого Норгхстора? – пара не спеша направилась во двор.

– Нет. У Норгха множество глаз и не меньше ушей, разбросанных по всей долине и за ее пределами, но его самого нигде нет. Мой учитель как-то сравнил его с пауком. Паутина осталась, а ее хозяин исчез.

Оказавшись во дворе, где отряд Белой Гвардии уже седлал лошадей, Нэйк вывел из стойла своего ярко-рыжего коня и, забравшись на него вновь подъехал к Джону.

– Буду ждать твоего возвращения, у меня осталось так много вопросов, – улыбнулся командующий. – Возвращайся, если ничего не найдешь, у нас ты сможете передохнуть и попытаться снова.

– Благодарю вас за гостеприимство. Вас лично и всех, кто помогал собираться в дорогу, и так же тех, кто рискнул отправиться со мной. Чтобы не случилось, я никогда не забуду о вас и ваших людях, – юноша коротко кивнул в знак прощания и поскакал к началу конного отряда, в то время как Джон подошел к седлавшему коня, Яну.

– Береги себя, и возвращайтесь при первых же проблемах, магистрат заинтересовался этим делом, я думаю, он пришлет своих людей, а это куда более безопасно, – пожав руки, друзья обнялись, напоследок похлопав друг друга по спине.

– Да не волнуйся, вот как съедим все это, – Ян шлепнул по пухлому выюку, водруженному на круп лошади, – так сразу вернемся. Только ты нас уже не узнаешь, – его голос стал мрачным, – потому что мы приедем круглые, как надутые свинки, – хохотом разразились все всадники, и процессия медленно двинулась вперед.

Отряд во главе с Нейком и Яноксом Киритом пересек полуразрушенную стену и помчался в белую пустыню, навстречу неизведанным землям.

Первая искорка вспыхнула, порождая множество огоньков подле себя, и вскоре разрастающееся пламя нового восхода охватит весь континент.

1

За искрой следует пламя, и оно возникло в самом сердце Мидленда. Древнейший из собратьев, он единственный помнил тепло старого пламени, и сейчас еще совсем слабый, и дрожащий, он разгорался, ощущая перемены.

Шел сильный ливень, крупные капли падали и со звоном разбивались о придорожные камни. Все небо в одночасье заслонили огромные пепельно-серые тучи, словно бы день и ночь вдруг решили поменяться местами. Где-то вдалеке пастух в спешке созывал и уводил стадо овец, селяне прятались по домам и запирали живность в небольших амбарах. Лишь одинокий монах, в ярко-красном балахоне хлюпал в своих неудобных сандалиях вдоль по дороге, все сильнее походившей на один большой грязевой поток.

На его спине золотой нитью были вышиты различных размеров десятки глаз, смотревшие во всевозможные стороны, и под всевозможными углами. В довершение ко всему, на каждом из рукавов был аккуратно вышит пикировавший ястреб, клювом указывающий на кисти рук, а крыльями, прижатыми к телу, на плечи обладателя балахона.

Ястреб был символом ордена Ирдром, а глаза, взирающие на каждого с облачения монаха, должны были вселять почтение, страх и трепет перед всевидящим и всезнающим магистратом. По краям подола, рукавов и капюшона аккуратной тонкой нитью шла золотая тесьма с текстом девиза:

“Пламя поглотило многих, но лишь покоровшись Пророку даровало жизнь новым поколениям”.

Красные одежды свидетельствовали о высоком статусе человека. Только магистры имели право облачаться в огненные цвета.

Обычные послушники, как правило, носили невзрачные серые, либо коричневые, с оливковой тесьмой, войлочные балахоны.

Ранним утром, когда монах только покидал аббатство, небо было еще голубым и ясным, но налетевшие тучи окончательно уничтожили все надежды на теплый солнечный денек. Теперь, унылое небо озаряли лишь одинокие вспышки света, порождаемые молниями. В мрачной торжественности гром возвещал всем и каждому, что это только начало предстоящей бури. Придерживая одной рукой капюшон, путник бросил встревоженный взгляд на хмурые облака и ускорил шаг.

– Не на шутку что-то погода разошлась, видимо удача окончательно от меня отвернулась, – бурчал он. – Почему именно сейчас, именно в этот день, что за жестокая насмешка судьбы.

Сандалии его утопали в грязи, но он упрямо продолжал свой путь. Мысль о том, что большая часть пути уже позади, наверное, единственное, что приободряла его в эту ненастную погоду.

Дорога неспешно тянулась и петляла от огромного, древнего аббатства Родсбери. Окруженная лесом она скрывала любого путника, зашедшего в эту дикую и неприветливую местность. Где-то намного дальше она соединялась с Трактом Молчаливых, служившим центральным связующим путем между пятью основными владычествами Великой Долины.

На многие мили вокруг не было ни одного очага цивилизации, не считая самого аббатства и соседней с ним деревушки. Земли Лордсхен снискали славу самого малонаселенного края из всех пяти, на всей его территории, а она была второй по величине, было всего пара-тройка поселений.

Монах приближался к деревне. Его ноги ужасно болели, одежда вымокла и испачкалась, а тело уже давно была ледяная дрожь.

С какой бы стороны ни шел путник, войдя в деревню первым, что бросалось ему в глаза, была таверна. Окинув грустным взглядом надежное, теплое укрытие из которого струился мягкий теплый свет, монах удрученно побрел дальше.

В таверне “Улыбающийся Сверчок” было всегда многолюдно, даже сейчас, в такую грозу здесь сидела почти все население этого крохотного поселения. Любой, кто забирался так далеко в эти дикие земли, мог не знать о местоположении замка Лордсхен, мог даже не слышать об аббатстве и не сторониться местных суеверий, но он точно знал, где «унять сверчка прямой едой и теплой постелью». Таверна служила местом, где решались все насущные проблемы деревни, в ней всегда можно было найти нужный товар, у остановившихся переночевать торговцев, и даже пару раз здесь проводили суд над пойманными разбойниками и браконьерами.

А о том, сколько слухов и небылиц вмещало эта на вид небольшое строение, было трудно передать. Словом, “Улыбающийся Сверчок” был сердцем этих тоскливых земель.

Деревня не изобиловала строениями: пара десятков бревенчатых домиков с соломенными крышами, лесопилка с коксовой мастерской, и, конечно же, сама таверна, единственное каменное строение, ярко выделявшееся на фоне остальных – вот и все что могла предложить и чем могла похвастаться эта безлюдная местность перед незадачливым путешественником. Уже покидавшего деревню монаха окликнула девушка, выглядывающая из окна таверны:

– Аббат Марк, – ее лицо озаряла лучезарная улыбка, словно солнце решило переждать непогоду на ее губах. – Как вы здесь оказались? В такую непогоду лучше сидеть дома, в тепле и уюте, и не высовываться, тем более в вашем то возрасте. Заходите скорее, – девушка скрылась внутри здания, и через пару мгновений показалась в дверях парадного входа. Высокая, немного полноватая, на ней было простое темно-зеленое платье с повязанным поверх фартуком, сейчас же ее лицо выглядело скорее обеспокоенным, нежели веселым.

– Спасибо Элис, но мне надо спешить, – старик еще сильнее укутался в свой безразмерный балахон, убеждая себя, что если он в ближайшее время не доберется до цели своего вынужденного похода, последствия могут быть гораздо более плачевными, чем простуда или вновь обострившиеся боли в спине.

Что касается Элис. Она стала полноправной хозяйкой таверны в ее двадцать третий день рождения. В тот день гости говорили много приятных слов и засыпали именинницу комплиментами, но все они стали не так важны после речи отца. Он благословил их брак с Рэном, сказав, что верит в правильность выбора своей дочери и, наконец, готов передать семейное дело новому поколению Фраев.

Томас Долвай, или как его чаще звали в деревне, старик Том был хорошим отцом. В молодости он работал дровосеком на местной лесопилке, но по уши, влюбившись в мать Элис, стал подрабатывать в таверне, помогая разносить заказы и прибирая в комнатах после отъезда постояльцев. Вскоре на его застенчивые ухаживания последовал столь долгожданный ответ.

К несчастью, семья просуществовала не долго, вскоре после рождения малышки мать Элис подхватила неизвестную болезнь и всего за несколько дней угасла. Монахи аббатства пытались спасти юное дитя, но болезнь словно бы иссушала ее изнутри и не продержавшись и трех дней девушка скончалась.

Том был опечален утратой настолько, что не хотел никого ни видеть, ни с кем бы то ни было говорить. Таверна стала угасать вслед за ее бывшей владелицей, и в зале, где вечно стоял шум и гам, поселилась траурная тишина. Положение спасла сама Элис. В один из дней, будучи еще совсем крошкой, она забралась на колени к отцу и с задорным смехом стала шлепать по его груди своими маленькими ладошками. Одним темным богам известно, что так могло развеселило ребенка, но этот смех был так необходим ее отцу в то мрачное время. Он словно живительный свет проникал в каждый уголок таверны, и вскоре не было ни одного посетителя, кто бы ни улыбался или не хохотал во всю глотку, глядя на малышку с отцом.

С самого детства Элис обучалась письму и счету в аббатстве и была одной из немногих грамотных людей во всей деревне. Прошло уже двенадцать лет с того самого дня как она покинула учебную скамью, и когда-то юная застенчивая девчушка превратилась заботливую хозяйку, готовую приютить хоть богатого торговца, хоть нищего путника.

– Двенадцать лет, – подумал аббат. – Как быстро летит время, вроде так недавно этот белокурый ангел с изумрудно-зелеными глазами бегал по всему аббатству с кипой бумаг, а теперь она управительница целой таверны и заботливая мать малыша Мика.

Где была Элис, там обязательно был и Рэн, он стал практически ее второй тенью, высокий, худощавый парень, с лохматыми ярко-рыжими волосами. Его возраста никто в точности не знал. Еще ребенком его поймали стражники Лордсхена за мелкое воровство и бродяжничество, так и не решив, что с ним сделать они отправили мальчишку на воспитание к монахам

ордена. Сейчас же этот весельчак уверял всех, что ему тридцать два, что и праздновали уже четвертый год подряд.

С юных лет Рэн отличался наглым и неукротимым характером. Насмехаясь над дрожащими от холода и кутавшимися в множество теплых одежд сельчанами, он, как и в детстве предпочитал носить бриджи из плотной вареной кожи и на этом как правило его повседневный гардероб заканчивался. Временами, когда холодные ветра Мертвых Земель все-таки добирались до Лордсхена, он с неохотой натягивал на себя длинные войлочные плащи, отороченные волчьим или лисьим мехом, либо балахоны монахов.

О его статусе ходило расхожее мнение. Кто-то называл его женихом, кто-то ухажем, кто-то обычным поклонником, коих было не счесть у прекрасной хозяйки таверны. Сам Рэн считал Элис супругой и рьяно защищал свою семью в многочисленных драках с теми, кто пытался приставать к возлюбленной. Вскоре после благословения отца на брак, у пары появился малыш. Было решено назвать его Миком, в честь прадеда Элис. Малыш быстро рос, и его лицо всегда украшала ослепительная улыбка матери, а на голове полыхал огненно-рыжий смерч растрепанных волос, унаследованный от отца.

Мальчик бегал как заводная кукла, его звонкий детский смех заставлял улыбнуться даже самого угрюмого посетителя. В свои двенадцать лет мальчуган во всем старался походить на отца и чем мог, помогал родителям в управлении таверной.

Пара давно была готова связать свои жизни узами брака, с того самого дня, когда старик Том дал свое согласие, но в землях Лордсхен не было обители Мейков, чей кронд скреплял пары перед лицом Пророка нерушимым обетом, а ближайшим местом их обитания были земли Рейвин. Элис не могла оставить таверну на старика отца, даже на те несколько недель, что потребовались бы на путь до крепости Рейвин и обратно, а после рождения сына поездка до обители окончательно отошла на второй план.

– Переждите хотя бы непогоду, – кричала Элис вслед удалявшемуся старику. Вдруг, словно вспомнив что-то важное, она на миг скрылась в проходе, ведущем вглубь таверны, и тут же появилась вновь, толкая перед собой молодого парня.

– Я пошлю с вами Рэна, он поможет вам и проводит назад.

Марк остановился, обдумывая предложение.

– Спасибо, дитя мое, пусть он выезжает к вечеру вон к тому холму, – послышалось от маленькой фигурки вдалеке, старик указывал пальцем на небольшой участок леса, приютившегося на скалистом утесе. – Я буду рад его компании на пути домой.

Аббата горячо любили жители деревни и случись, какая болезнь, или гибель скота, что стало, к сожалению, не редкостью в последнее время, они тут же бежали к нему. Марк никогда не отказывал ни в лечении, ни в приюте и всегда выделял необходимую пару рук, если о том его просили. Прибыв, в эти края лет двадцать назад, еще достаточно крепким мужчиной, он быстро завоевал всеобщую любовь, и не прошло и года, как его имя было у всех на слуху. Вскоре монахи ордена предложили ему занять место скончавшегося аббата, хотя до этого он никогда не был даже обычным послушником.

Прошлой осенью аббату уже стукнул шестьдесят четвертый год, его день рожденья отмечался не хуже праздника огненного солнцеворота, но силы его были уже не те, и с каждым годом он слабел, а тело все чаще подводило. Когда-то он рассекал на быстроногом коне и руководил армиями, но все это осталось в далеком прошлом. В прошлом остался и могучий воин, сейчас же превратившийся в дряхлую развалину. Его руки были испещрены морщинами, как и само лицо, голова поседела и ее гордо украшала лысина с редкими волосками, небольшая седая борода все еще торчала жесткими колючками на мощных скулах. Время оставило тяжелый отпечаток на его теле и лице, но его карие глаза все еще хранили задорный огонек молодости, а добродушная улыбка согревала каждого кто имел честь с ним общаться.

Хлюпая в грязи и кутаясь в мокрые, липнувшие к телу, одежды старик продолжал свой путь, приближаясь к подножью высокой горы, которую селяне прозвали Шепчущей. Летописи гласят, что именно на ней произошла последняя битва между культистами ордена Аргхзура и войском Пророка Мартина, ставшая переломным моментом в войне и уничтожившая падшего бога. В тот день, как уверяют летописи, с ее вершины текли реки крови, и полыхали сотни пожаров, разнося зловоние смерти на многие мили вокруг, до сих пор мертвый пик был бесплоден, даже снег никогда не укрывал пепельно-черную вершину. По местным поверьям земли вокруг горы считались проклятыми, как и небольшой лесок, примостившийся на торчавшем утесе. Некоторые даже поговаривали, что в нем слышны шепотки давно погибших людей:

– Как на ней вообще может, что-то расти? Это же земля мертвых. И лес там мертвый, все это место проклято, говорю я вам. Я сам видел покойников, одним вечером, они плясали и веселились меж деревьев, – рассказывал как-то торговец, остановившийся в таверне.

– Да, их не упокоили, вот они там и бродят. Хватают и утаскивают путников, проходящих поблизости, в лес, где приносят в жертву своему давно погибшему богу, – с угрюмым видом вторил ему другой.

Согласно все тем же летописям ордена, семьсот лет назад Пророк Мартин привел свою армию на гору и предрек падение Аргхзура – падшего бога, отнявшего свободу у людей. Бог, который должен был заботиться о всех живых существах в своих землях, стал их убивать, иногда выжигая ни в чем неповинных людей целыми деревнями. Первым кто восстал против безумного тирана стал юноша, поднявший народ на защиту своих жизней, земель и семей. Он наступал, уничтожал темных культистов и прислужников кровавого тирана. Битва за битвой он гнал бога все дальше, не давая ему не сна не отдыха пока не загнал его в тупик, на эту самую гору, бежать больше было некуда и состоялся решающий бой. Аргхзур был повержен, его армия разделилась на маленькие отряды, которые еще пытались сражаться, но война уже подходила к концу. После победы Великий Пророк основал крепость Лордсхен, где впервые собрались лорды всех пяти земель.

В тот же день, на военном совете было решено объединиться, создав Совет Пяти. В состав, которого вошли пять лордов, представлявшие каждый свои владения и полководцы армии Мартина.

Позже последовали еще две коротких войны, закончившиеся для объединенной армии позорным поражением, но обе они уже проходили без Великого Учителя и Наставника, пропавшего или как заверял орден ушедшего, чтобы вернуться в час нужды.

Первая в некоторых летописях именованная западной, в других южной, велась против кочевников – коренных жителей южной части континента, но не продлившись и года окончилась разгромом объединенных армий пяти владычеств и массовым отступлением. Вторая же даже не успела начаться, как была тут же отменена. От северного похода было решено отказаться после доклада первого, комендант-командующего крепостью Хоштраш.

Много позже, уже после окончания войны и уничтожения последних отрядов все еще поклонявшихся огненному демону, боевые друзья, соратники и ученики Мартина основали орден Ирдром, наконец признав исчезновение своего наставника и объявив, что Великий Пророк покинул этот мир дабы защитить всех от грядущей угрозы и обязательно вернется, когда его верным послушникам будет угрожать опасность, а покуда все должны сплотиться и восстановить разрушенные земли.

Добравшись к подножию горы, аббат присел на огромный камень, примостившийся рядом с дорогой. Тяжело дыша, он взгляделся в тропинку, взбирающуюся круто вверх и скрывавшуюся где-то в глубине небольшого темного леса.

– Соберись, это всего лишь дождь, ты встречал врагов куда страшнее, – пытался приободрить себя монах. Тяжело вздохнув, он поднялся и медленно начал карабкаться по скользкой, глинистой тропке.

Спотыкаясь об острые камни, хлюпая по ледяному ручью, изможденный старик осторожно, шаг за шагом, боясь поскользнуться и скатиться обратно вниз продолжал свое восхождение.

В чем действительно были правы местные, так это в том, что лес и в правду был крайне необычен. Сама гора была скалистой и из нее повсюду выступали каменные отростки, но сквозь всю эту горную породу каким-то чудом пробивались ростки трав, кустов и даже массивных деревьев.

– Еще немного, главное добраться до пещеры, – продолжал успокаивать он себя. – Мне необходимо отдать ему письмо.

Дрожа от холодных порывов ветра и капель, стекавших с абсолютно вымокшего балахона, запинаясь, он, наконец, достиг небольшого горного участка леса. Здесь воздух был чист и свеж, запах зелени дурманил уставшего путника, тем более, сейчас, когда дождь окропил живительной влагой на удивление богатую природу этой местности.

С утеса, приютившего лесок, были хорошо видны окрестности. Прямо у подножия горы простиралась деревушка Хард с ее соломенными крышами, а в паре миль от нее виднелся ее старший брат – аббатство Родсбери, где-то вдалеке были еле уловимы очертания твердыни Лордсхен.

– Как тихо и спокойно, теперь я понимаю почему он решил обосноваться именно здесь, – подумал Марк, пробираясь вглубь небольшой чащи.

Деревушка Хард принимала странствующих торговцев и делегатов разных земель, направлявшихся в аббатство. Когда-то именно аббатство послужила причиной заселения этих земель. Отстроенное на месте первого лагеря, развернутого Пророком, оно долгое время являлось главной твердыней ордена Ирдром и центром всего культа, чьим долгом стало очищение земель, оскверненных падшим богом, и защита каждого, кто в этом нуждается.

Находясь вдалеке от основных торговых путей, монахи нуждались в пище, тканях, материалах для строительства и ремонта аббатства, словом во всем, что не могли вырастить или изготовить сами.

Книга времен, ведущаяся в каждом представительстве ордена, в том числе, и в аббатстве гласит, что однажды один торговец, после успешной сделки задержался у монахов почти на целую неделю. Продав остатки товаров таким же, как и он сам странствующим купцам, он в спешке уехал, но вскоре вернулся, правда, на этот раз не один. За повозкой с товарами следовали и другие: с лесорубами и плотниками, фермерами и рыбаками. Живая вереница остановилась в паре миль от аббатства, основав небольшое поселение.

Работы велись недолго, и уже через месяц на месте небольшого лагеря гордо красовалось белокаменное строение. Таверну тут же облюбовали местные сверчки и каждую ночь их трели разносились по всем комнатам и залам.

Сегодня же деревушка существовало в основном за счет вырубки леса и производства угля, из-за чего над городком постоянно стоял густой смог.

Марк забирался все глубже и глубже в чащу, силясь, что-то отыскать. Сырые ветки хлестали его по лицу и плечам, ноги заплетали в спутанных корнях, но ничего не могло остановить его упрямую решимость идти дальше.

Он осматривал каждый выступ, ощупывал каменные стены огромной горы, стараясь отыскать хорошо знакомый ему символ.

– Да где же он, чтоб мне провалиться прямо в бездну, если я еще раз решусь куда-то пойти в такую погоду. Не в том я уже возрасте, да и слеп стал совсем как крот, – бурчал он, ощупывая скалы дрожащими руками. – Ааа, вот ты где, – на холодном сером камне был аккуратно вырезан маленький орнамент.

Метка была не велика и состояла из трех кругов, каждый из которых был внутри предыдущего. Все три круга соединялись небольшими, на первый взгляд, хаотично разбросанными черточками.

Марк внимательно осмотрелся. Сначала надавил на каменный выступ с символом, но ничего не произошло. Затем принялся ворошить ближайшие кусты, облеплявшие склон, и вскоре удача ему улыбнулась. Прямо под знаком, за огромным пышным кустом ежевики таился тоннель, ведущий куда-то глубоко внутрь горы. В диаметре он чуть превышал размеры обычного человека. С радостью мальчишки, бегущего за сладостями, монах залез в огромный куст и устремился в темноту.

Пробираясь вперед, старик разбрасывал сухие ветки и листья, скопившиеся здесь за многие годы, но чем дальше он продвигался, тем тоннель становился все уже. Если сначала по нему еще можно было ползти на четвереньках, то вскоре его высота уже не позволяла даже приподняться с холодного камня. Именно в эти мгновения аббат окончательно распрощался с надеждами сохранить одежду чистой или хотя бы целой.

Тоннель тянулся невероятно долго и когда, наконец, подошел к концу, в небольшой темной пещере у бедного старика не оставалось сил даже приподняться. Вокруг царил полумрак, лишь слабые лучики блеклого пасмурного солнца проникали сюда через маленькие трещины и отверстия в стенах.

– И тут сыро, – в отчаянии пробормотал он.

Немного переведя дыхание, старик отполз от проклятого тоннеля, и прислонившись к холодной стене пещеры гневно произнес:

– Ты так и будешь наблюдать, как я мучаюсь? Я был бы тебе признателен за костер или хотя бы за теплый ветерок, – но ответа так и не последовало. – Хорошо, хорошо. Мне нужна помощь, доволен? – громкий возглас Марка отразился от стен пещеры, порождая гулкое эхо.

– Зажги свет, – тихий шепот, словно легкий порыв, пролетел по пещере. Шепот был еле уловим, но эхо усиливало голос и создавало ощущение, будто бы говоривших было несколько, и они окружали со всех сторон.

– Я не могу, я вымок, замерз, и вообще в моем возрасте подобные испытания могут иметь неблагоприятные последствия. И прекрати шептать, я сейчас не в том настроении.

Тишина, словно невидимая пелена, начала заполнять собой всю пещеру, вытесняя любые другие звуки. Затих не только сам голос, затихло все – шум ливня за каменными сводами пещеры, вой ветра, игравшего на древних скалах, крики селян вдалеке, смолкло все, словно бы сам мир решил, что в звуках он больше не нуждался.

Марк нервно осмотрелся, его глаза потихоньку привыкали к темноте пещеры.

– Я достаточно стар для твоих игр, – выкрикнул он. Вслед за возгласом, тишину нарушило тихое потрескивание, сначала где-то в глубине пещеры, затем медленно приближаясь и окружая старика. На стенах один за другим стали загораться факелы, словно хлопушки у детей в день огненного солнцеворота.

Тесное, тусклое, холодное помещение в один миг преобразилось, огни освещали каждый уголок и тени, отбрасываемые Марком, закружились в причудливом танце на каменных сводах пещеры. Из разных углов, впадин и трещин поползли небольшие, размером с кулак, камни, словно толстые навозные жуки, они медленно пробирались к центру пещеры, образуя круг.

– Посмотри, где-то справа от тебя должна лежать вязанка поленьев. Я нарубил сегодня утром, на всякий случай. Брось ее к камням, если, конечно, тебя это не затруднит, – голос, продолжал обволакивать старца со всех сторон.

Марк осмотрелся, действительно, неподалеку от него, прямо под одним из горящих факелов лежали несколько свежесрубленных поленьев, перевязанных бечевкой. Рядом, повалившись на них, стоял, с виду потрепанный, холщовый мешок. Старик, хрустнув суставами, со вздохом поднялся и проковыляв к поленьям, бросил всю связку к камням.

– Я надеюсь, ты не хочешь, чтобы я здесь задохнулся? Мне бы вполне хватило и одного факела. Не забывай, это все-таки не твоя пещера в холмах Ансельма.

– Да успокойся уже, о дыме я позабочусь, отдохни лучше. Кстати, в том рюкзаке медовые лепешки из таверны Розы. Помнишь, ты еще ребенком туда бегал? – голос переместился к центру пещеры.

Камни сползались, образуя круг, поленья взлетали и соединялись в причудливую звезду, оседая меж камней.

– Да, да... Как давно это было, – в задумчивости пробормотал старик обдумывая, как сообщить встревожившие его вести.

– Секрет приготовления этих лепешек утерян в веках. Пришлось изрядно потрудиться, добывая их, и заметь все это только ради тебя. К сожалению, никакой сухой одежды предложить не могу, но огонь, я надеюсь, все компенсирует.

Из-под разгоравшихся поленьев поднималась слабая струйка дыма, но как только огонь охватил сухие деревяшки, дым мигом исчез. Жар от полыхающего костра обдал приятной, теплой волной измученное тело старца.

– Давно мы с тобой не виделись, в последний раз я видел тебя еще мальчишкой, – задумчиво произнес голос. – Неужели ты наконец-то решил навестить старого друга?

– Мальчишкой? Тоже скажешь. Сколько мы не виделись? Лет сорок может быть, хотя наверно по твоим меркам я до сих пор еще не оперенный юнец. Мальчишкой... Знаешь, временами мне кажется, что тот юноша из глубин моей памяти... Хоть он и носил мое имя, мою внешность, но он кто-то другой, не я. Все его мечты и желания, вся его жизнь, не больше чем просто сказка, придуманная больным, измученным разумом старика, – Марк устало вздохнул и пододвинулся к костру, отогревая руки в тепле. – Ладно, что-то я совсем раскис, старею наверно. Итак, я бы не рискнул идти в такую погоду и забираться на эту проклятую гору не будь дело действительно серьезным, – все еще дрожащими пальцами монах стал ощупывать карманы своего балахона. – Этой ночью прилетел ворон, культиста ордена Аргзура видели у северных границ Тиретхолла.

– Ха, стареешь... и это тебя так обеспокоило? Ты серьезно? Няньки пугают ими своих воспитанников уже не первое столетие, и где этих культистов только не видели, и что они только не вытворяли. Брось, это не более чем обычные страшилки, отдохни, а как погода успокоится, возвращайся в аббатство, – существо говорило с заботой, но все-таки в его голосе легко улавливалось явное пренебрежение к словам аббата.

– Боюсь, что это несколько больше, чем, очередная страшилка. Я принес письмо, почитай, как точно и детально описывают его обычные крестьяне, – старик, наконец, нашел, что искал и достав мокрый, измятый лист пергамента, замер в растерянности. – Как мне его тебе передать?

– Как и всем другим. Не делай из меня... Ладно, просто вытяни руку вперед.

Марк послушно протянул перед собой скомканный клочок пергамента, словно бы перед ним стоял живой человек.

– Как же наверно глупо я сейчас выгляжу.

– Брось, мы тут совсем одни.

Руку аббата обдал легкий порыв ветра, озноб пробежал по коже от незримого прикосновения и в ту же секунду его пальцы больше не ощущали шершавой поверхности бумаги.

Голос замолчал. Время бежало, но лишь потрескивание костра нарушало тишину. Марк потянулся за мешком, лежавшим у стены. Распутав несложный узел, он достал аккуратный сверток ярко-зеленых листьев акавы. Осторожно развернув, он достал небольшую злаковую лепешку. Сверху она была обмазана медом и щедро посыпана кедровыми орешками, от чего под бликами костра переливалась янтарем. Давно забытый и такой знакомый аромат, быстро заполнял пещеру.

Угощения были до сих пор теплыми, словно бы их только что достали из печи. "Неужели, он принес их прямо перед моим приходом", – думал Марк, приступая к долгожданной трапезе.

Еще будучи ребенком, он, впервые попробовав их и с того самого момента был покорен чудесным вкусом этого редкого лакомства. Мальчишкой все свободное время он проводил у Розы в маленькой таверне на окраине деревушки, часто помогая разносить напитки или подметая двор, в награду же получая столь желанное угощение.

С виду обычные лепешки стали вторым символом Ансельма, вобрав в себя все лучшее этих земель.

Во время приготовления в тесто добавляли щепотку корицы, всевозможные орехи и, конечно же, медовые соты, смешанные с молоком. Горячую лепешку, прямо из печи погружали в жидкий мед, а после того как она пропитывалась и покрывалась золотистой медовой глазурью, посыпали кедровыми орешками.

Марк уже было хотел бросить мешок с остатками лакомства назад в угол пещеры, как услышал тихое бульканье, покопавшись, он извлек бутылку Ансельмского красного вина и пару оловянных кружек. "Ты меня балуешь", – промелькнуло у него в голове.

Балахон уже достаточно подсох, а лепешки и вино смогли утолить голод, мучивший старика, немного захмелев, он уже начал было подумывать о сне, как вдруг голос вновь подал признаки своего присутствия.

– Возможно это совпадение. Поразительное, скажу честно, но все-таки совпадение. Ордена нет и уже давно, ты сам это прекрасно знаешь, а падший бог заточен.

– Совпадение? – удивился Марк, – скольких ты людей встречал с подобными узорами по всему телу, сколько людей носят такие маски?

– Две недели назад отгремел праздник огненного солнцеворота, – напомнил голос. – Фантазия людей поистине может быть невообразимой. К тому же не стоит верить словам всяких крестьян, они необразованны, глупы, суеверны. С чего ты вообще так переполошился? Только прошел этот языческий праздник, и полупьяные людишки могли увидеть хоть самого Архзура в переодетом клоуне. Ладно... Я вижу, ты уже попробовал вино, по-моему, урожай выдался удачным. Какой богатый, яркий вкус, сколько оттенков смешалось в нем, чтобы ты ни говорил, но лучше, чем в Ансельме, вина нет нигде.

Марк не обращал внимания на восхищения своего давнего знакомого. Его вымотала долгая дорога и от выпитого вина и теплого жара костра, все сильнее клонило в сон.

– Возможно, ты и прав. Нашел какие-нибудь признаки присутствия ордена в землях Тиретхолла? – Марк закашлялся, но отпив еще немного вина, продолжил. – Хорошо, ну допустим ты прав и это жуткое совпадение, но ведь это еще не все. Натаниэль сообщил, что вулкан близ его земель проявляет активность после стольких лет сна. Это явно ни о чем хо...

– Извержения редки, но обычны мой друг, а в земли Тиретхолла у меня больше не осталось ни глаз, ни ушей подвластных мне, твой орден славно поработал, – с грустью закончил голос.

– Вот только ты то не приписывать мне их заслуги. Давай ближе к делу. Я думаю, положение дел намного серьезнее. Тебе не кажется, что уж чересчур много совпадений? – аббат привстал и попытался разглядеть небо в одну из трещин пещеры.

– Совпадений? Брось, байка о злых культиста кочует из поколения в поколение, а активность вулкана не больше, чем причуда природы, успокойся. Я стащу одну лепешку, а то изрядно набегался, если ты конечно не против?

– Бери, конечно. Значит, я пишу Натану, чтобы он не беспокоился по поводу вулкана?

– Натану? В Тиретхолле новый лорд? – впервые за все время разговора в голосе невидимого существа промелькнула заинтересованность.

– Да.

– Подожди, подожди. Натан Аргер. Уммм... Тот самый вулкан? Ты не сказал, что обе новости пришли из Тиретхолла.

– О темные боги, я тебе вроде бы ясно сказал. Лорд Натаниэль Аргер сообщил, что вулкан близ его земель проявляет активность! У нас что есть еще какие-то вулканы?! Ты вообще слушаешь меня?! – Марк обернулся в сторону, где по его предположениям должен был находиться его собеседник, сжимая кулаки, он был готов наброситься. Вино сильно ударило в голову старика, оживив буйный характер молодости. – И зачем я в такую бурю, с риском для своего здоровья, добирался сюда с этим проклятым клочком бумаги, если ты даже не в состоянии выслушать меня. Ладно бы только меня, ты никогда не отличался особой внимательностью к окружающим, но ты ведь и в письмо, что б тебя... даже толком не вчитался! – голос старика нарастал с каждым словом и, в конце концов, перешел в громогласный крик.

– Ты как всегда прав, меня отвлекли ваши... уммм... – голос запнулся на мгновение, но сразу же продолжил, – ордена, обряды местного ордена в Тиретхолле, и я совсем не обратил внимания на вторую часть письма. Напиши лорду... Аргеру, чтобы он собрал всю возможную информацию от жителей на предмет странностей, происходивших в последнее время в местах, где видели культиста. И еще, пусть все бумаги привезет один из очевидцев.

– Ну уж нет. Я напишу, чтобы они опросили всех местных, но вести к тебе человека, я не намерен. Я не хочу брать и этот грех на душу, своих достаточно. Не ты ли только что уверял меня, что орден никогда, нигде, и не при каких обстоятельствах, не появится, я подчеркиваю, никогда и нигде.

– Да, да... Хочешь, можешь просто послать голубя с сообщением, что ему не о чем беспокоиться.

– О темные боги, какой ты... – Марк был в ярости, уставший и замерзший, единственное, о чем он мог только мечтать был сон в теплой, уютной постели. Но для его старого знакомого ничего не значили ни усталость длинных путешествий, ни ледяные ветра, пробиравшие до самых костей, бушевавшей снаружи непогоды. Время не имело над ним власти, или, по крайней мере, повлияло заметно меньше, чем на самого аббата. – Вот умру я, что ты тогда будешь делать?

– Верну тебя к жизни и отправлю пугать детишек Тиретхолла в дни огненного солнцеворота, – с усмешкой ответил голос.

– Лучше угомони бурю и дай мне телегу, на худой конец коня, чтобы я мог спокойно добраться до аббатства.

– Аххх... ты стал таким скучным.

– Эх, – махнул куда-то в пустоту старик и побрел в дальний конец пещеры, – Я посплю, а то уже с ног валюсь. Разбуди меня, как заметишь Рэна.

– Я лучше пойду, прогуляюсь пока в округе еще безлюдно, – голос стал отдаляться, затихая, а вскоре и вовсе умолк.

– А меня кто разбудит? – прокричал аббат в сторону тоннеля, ведущего наружу.

– Я всегда рядом, – ответил шепот, словно говорящий нависал прямо над ухом старика.

– Никогда к нему не привыкну, – бурчал Марк, кутаясь в балахон.

2

За ним следовал второй. Переливаясь, играя, он воспылал у северных границ Великой Долины, в землях Тиретхолла.

Отряд всадников в блестящих на солнце доспехах, остановился на холме. Их лидер, спешившись, уверенной походкой начал спускаться к берегу.

Рядом со спокойной гладью чистого озера резвились двое ребят, а на противоположном берегу около темного, поросшего мхом каменного изваяния рыбачили седовласый мужчина с мальчишкой не старше двух предыдущих.

Дети бегали друг за дружкой, размахивали палками, разыгрывая битву двух рыцарей.

Первому из них, на вид, было лет тринадцать, его мокрые светло-русые волосы без конца лезли на глаза, отчего ему приходилось постоянно останавливаться, убирая их со лба. Одет был парень в изодранный когда-то нежно-кремового цвета камзол с вышитыми небесно-голубыми и темно-синими вставками. Сейчас же костюм был измазан глиной, а белый цвет уступил свое место бледно-зеленому.

Второй был немного младше своего приятеля, и его одежда выглядела значительно беднее, если при всей этой грязи вообще могла идти речь о благосостоянии мальчишек. Его черные ни то от природы, ни то от грязи волосы были жутко спутаны и торчали в разные стороны.

Дети видимо провели не один час, катаясь в траве, так как на их ногах красовались, до колен завернутые, грязные бриджи. Пара башмаков одиноко валялась в высокой траве.

– Кэй! Ключет! Хватай его, а то уйдет, – выкрикнул младший и, бросив импровизированный меч, побежал к берегу.

Только сейчас рыцарь заметил торчавшие из ила ветки, служивших удочками для этой несносной пары. Поплавок из грубо вырезанной деревяшки все сильнее дергался на поверхности прозрачной глади воды. – “Так они опять сбежали рыбачить”, – пробурчал он про себя, став еще более хмурым. – “Ну, конечно же, как я раньше не догадался, надо было сразу ехать к озеру, а не обыскивать деревню”.

– Держуу, смотри-ка какая резвая, – к другу подскочил русоволосый, схватив удочку обеими руками, он, что есть сил, потянул на себя.

Вдвоем, эта чумазая парочка стала медленно вытягивать что-то большое и явно не желавшее вылезать на поверхность. Шаг за шагом, осторожно, крепко держа перед собой ветку, они отступали все дальше от берега, а существо в свою очередь все активнее сопротивлялось. Вдруг, воздух пронзил резкий свистящий звук, лопнувшей бечевки и, не удержавшись на ногах, ребята повалились на землю. Ощувив, что его больше не тянут, существо выпрыгнуло из воды, на мгновение, показав свое огромное тело и махнув хвостом, скрылось в глубине.

– Да он издевается, – бросив остатки удочки, выругался Кэй.

– Лорд Аргер, наконец-то мы вас нашли, – обратился, спустившийся рыцарь к русоволосому парню.

– Сэр Эклстер, вы это видели? Вы видели его? Он почти был у нас, мы почти поймали Рагра, – с досадой ответил мальчик.

Большой Рагр был местной легендой, огромный сом, живущий в озере. Многие пытались его выловить, но и по сей день он, как ни в чем не бывало, бороздил эти тихие, спокойные воды, словно бы насмехаясь над рыбаками.

– Лорд Аргер, – уже строже произнес рыцарь. – Вы хоть понимаете, как опасно покидать крепость? При вашем статусе, если вдруг вы нарветесь на бандитов, промышляющих в округе...

– То вас могут принять за бродягу, – перебив рыцаря, крикнул кто-то из толпы гвардейцев, спускавшихся следом за своим командиром к берегу. Сэр Эклстер бросил грозный взгляд на своих подчиненных, но развернувшись обратно к мальчишкам продолжил:

– ...то вас могут похитить или того хуже зарезать, в отместку вашему лорду-отцу. Говорят, сегодня в замок принести мальчика вашего возраста, его чуть не убили. Мастер Арвуд сказал, что парень чудом остался жив, – рыцарь грустным взглядом окинул юного лорда. – Кэй, – уже мягче добавил он. – Я же уже говорил тебе, предупреди отца или подойди сам к стражам, в конце концов, найди меня. Нельзя просто так убегать из города, леди Эйдрин безумно волнуется, подумай хотя бы о ней. Мы могли этим утром отправиться все вместе и

объехать все окрестные земли, вы бы с Тимом ехали на своих собственных лошадях и все были бы спокойны.

– Сэр Эклстер, не обижайтесь, – парень виновато потупил глаза. – Но вся ваша ватага стражей убивает все веселье. Разве мы смогли бы гоняться друг за другом, тренироваться на мечах или играть с деревенскими детьми? Да или хотя бы рыбачить? Нет! Нас бы за милую обходили, а встретившиеся мальчишки видели бы во мне лорда, а не как ни друга. К грязи вы бы меня не подпустили, а на малейший ушиб звали бы мастера Арвуда. Да и к тому же я уже не маленький и мы с Тимом вполне можем постоять за себя сами, – напарник Кэя впервые за все время разговора оживленно закивал головой.

– И что прикажете мне с вами делать, – оглядев виновников утренней шумихи, рыцарь растрепал волосы мальчишкам. – Так, – звонким голосом заявил он. – Кэй, ты отправляешься к миссис Дьюрер, Тим тебя мы вернем к отцу. Я думаю, он не меньше обеспокоен, нежели лорд Аргер. Ох, ребята, ну, и взбучку вам сегодня устроят.

Мальчишек посадили на двух не оседланных коней, видимо предназначавшихся именно для них, и отряд продолжил свое движение по дороге.

– Кэйл сразу от миссис Дьюрер мы отправляемся к твоему отцу, – нахмутив брови, про-
басил воин.

Услышав новость о возвращении в крепость, отряд рыцарей заметно приободрился с момента их прибытия к озеру.

Они искали молодого лорда с самого утра, а день, как и само утро, выдалось солнечным и жарким. Всем не терпелось поскорей вернуться в замок и сбросить громоздкую броню. В пределах крепости стражникам Тиретхолла позволялось не надевать всю боевую экипировку, и они носили только темные кожаные бриджи, да кольчугу поверх холщовых рубах. Но если появлялась необходимость покинуть пределы крепости, то всем предписывалось быть в полном обмундировании, и в итоге по дороге медленно тянулась чередой уставших, взмокших от жары стражей в темных камзолах поверх кольчуг, легких плащах и грубых кожаных наплечниках, украшенных вороньими перьями. Бриджи сменялись на покрытые черной эмалью поножами с серебряными заклепками, так же украшенными вороньими перьями. Шлемы у многих были привязаны к седлам или держались в руках, одежда воинов хоть и не была утеплена мехом или шерстью, но за время поисков успела сильно нагреться под лучами палящего солнца.

Для мальчишек же погода выдалась на редкость замечательной, как и весь день до того мгновения как их не обнаружил старый рыцарь. Все утро они гонялись друг за другом в поле фермера Денбера, который поставлял пшеницу в город и замок. Днем ребята отправились пешком к озеру Большого Рагра, дорога была не близкой, но зато веселой. Проходя мимо ферм и небольших селений, они встретили местных деревенских ребятшек, успели поиграть в догонялки и прятки, даже умудрились подраться по никому не ведомой причине.

Около недели назад, охотясь с отцом в лесу близь озера, Кэй соорудил из двух длинных ивовых веток и заранее припасенной бечевки самодельные удочки, которые дожидались ребят в густых кустах, окружавших водоем.

В целом день можно было считать удачным, так долго ребята никогда еще не были представлены сами себе, как правило, их находили и возвращали в город вскоре после их очередного побега. Ну, а теперь следовал неизбежный финал всех вылазок – предстоящий разговор с отцом не сулил ничего хорошего. Все те яркие, сочные краски живого мира, что так вдохновляли и манили Кэя на пути к озеру, теперь бросались в глаза раздражающей пестротой и нагоняли тоску. Вот уже показались первые домики деревни Корстейт, окружавшей город, здесь в основном находились дешевые таверны, да фермерские дома с огромными пашнями или овощными полями. Сейчас, пока светило солнце на улицах было шумно и многолюдно, но к вечеру вместе с сумерками вся деревня затихала до рассвета, лишь слабые огоньки вечно оживленных таверн блестели, как маяки в темном море.

Корстейт была скорее придатком города, нежели самостоятельной деревней. Фермеры, владевшие землей, жили в городе и только днем выбирались за его пределы, чтобы проконтролировать рабочих, вспахать землю или собрать урожай, но зато в деревне всегда можно было найти дешевый ночлег и краюху хлеба, в чем как раз таки и нуждались проезжающие мимо путники.

Сразу за деревней возвышалась столица этих земель, город Тиретхолл с одноименной крепостью на вершине. Его окружала огромная, даже по меркам всей Долины стена, высотой в сорок пять футов и шириной в восемь. Местами гранитный монолит покрылся мхом, местами его оплели пышные заросли дикой лозы, но и эти лесные краски все равно не меняли общей мрачности представлявшейся картины. Перед отрядом, расступался народ, освобождая дорогу к массивной каменной арке городских врат. Узкие улочки переплетались, сходились и снова расходились в огромном лабиринте. Высокие дома отбрасывали тени друг на друга, отчего в город почти не проникал солнечный свет. Подъехав к небольшой конюшне, встроенной в стену города, сэра Эклстер спрыгнул с коня и завел его в стойло, так же поступили и люди его отряда.

– Тим, я думаю это за тобой, – сказал рыцарь, глядя, как к ним приближался широкоплечий мужчина в кожаном фартуке, одетый поверх голого торса.

Тим был сыном кузнеца, простолюдин, а что означало их классовое неравенство с юным лордом и логическую абсурдность дружбы и совместных игр. Действительно, первое время, а если точнее, то первые года два, родители с обеих сторон пытались объяснить свои отпрыскам, кто есть, кто и как нужно вести себя с подданными Кэю и, что обязан делать Тим в присутствии лорда. Но как это водится дети имели свое особое мнение на этот счет, в итоге после тщетных попыток вразумить ребят родителям пришлось сдаться. В конце концов, дружба не угрожала ни юному лорду, ни молодому подмастерью, а разлучить друзей уже не представлялось возможным.

До последнего времени все, действительно, обстояло именно так, но ребята стали все чаще убегать из города, их непреодолимо влекла свобода и жажда приключений что, конечно же, вызывало беспокойство в рядах родителей и ближайших родственников с обеих сторон.

– Благодарю вас, что привели назад моего негодника, сэра Хьюго. Мери вся извелась из-за этого шалопая, – грудным басом поблагодарил кузнец, схватив Тима за плечо. – А ну как быстро домой, иди, успокой мать, – добавил великан, осмотрев суровым взглядом одежду и содранные коленки сына.

Мальчик дабы не гневить отца еще сильнее быстро кивнул и побежал со всех ног, скрывшись в глубине запутанных улиц.

– Еще раз спасибо сэра, не знаю, что бы я делал, если бы с ним что-то случилось, – кузнец поклонился и пошел осматривать подковы только что вернувшихся лошадей.

– Ну а тебе пора смыть всю эту грязь, – Хью посмотрел на спутанные волосы и ободранные коленки своего юного подопечного.

– Нееееет... давай я сразу в свою комнату пойду, все равно ведь запрете. К тому же я уже искупался в пруду, – выпалил Кэй, в надежде избежать нелюбимую процедуру.

– Кейл твой лорд-отец сейчас занят очень серьезной проблемой. Не отвлекай его еще сильнее своими капризами, он и так весь день был обеспокоен твоим очередным исчезновением. С самого утра лорд Аргер заседает в малом зале с мастером Арвудом и мажордомом Сеилэном. Как я уже говорил, этой ночью стражники принесли ребенка, он весь в ожогах, говорят, на него напал какой-то сумасшедший и чуть не сжег прямо перед городскими стенами, а вы с Тимом так беззаботно бегаєте и совсем без охраны, – с тревогой в голосе продолжал старый рыцарь.

– Это был тот культист, о котором рассказывал Тим? Да? Говорят, во времена войны они сжигали людей заживо. А вы не верили ему!

– Кэйл это не шутки и не сказки, где-то в лесу скрывается опасный человек. Ему не нужно золото, как обычным разбойникам или животные как браконьерам. Он не будет что-то требовать или угрожать, а просто убьет тебя и все, мы тебя потом даже не узнаем, – рыцарь попытался припугнуть чересчур заинтересовавшегося новостью ребенка.

– Не правда, это он. Тот культист, Тиму тоже никто сначала не верил, а потом его видели еще несколько человек. Аргхзур ведь огнем повелевает, вот и его культист тоже, – настаивал Кэй.

– Тим действительно скорей всего видел именно его, но это человек, опасный человек, и хорошо, что в ту ночь все закончилось благополучно. Главное запомни, он опасен, и я могу повторить это слово еще раз двадцать, чтобы вы с Тимом, наконец, запомнили, что нельзя убегать из города и без присмотра гулять, а теперь марш в замок, миссис Дьюрер тебя уже зажда-лась, – рыцарь хлопнул мальчика по плечу, подталкивая в сторону крепости. – Я поговорю со своими парнями и отправлюсь за тобой, – сэр Эклстер отошел к рыцарям, которые тем време-нем стаскивали с себя громоздкие комплекты брони и обливали друг друга холодной водой из ближайшего колодца.

Кэй медленно побрел в сторону замка, ему не хотелось встречаться с отцом, но куда больше лезть в лохань с горячей водой и оттирать честно заработанную грязь. Со стороны конюшни еще доносились обрывки разговора Хью с отцом Тима и крики стражников впере-мешку со смехом.

– ...Стен ты уж не сильно ругай его....

– ...я и не такое вытворял в их возрасте сэр Хьюго, но сейчас сами понимаете в окрест-ностях не спокойно....

Мальчик неохотно прошел по мосту, соединяющему город с замком. Небольшой ров под ним был заполнен грязной водой и кое-где виднелись обломанные штыки, торчащие откуда-то из темных глубин. Со двора к нему уже бежала миссис Дьюрер – полная женщина в вельвето-вом, бледно-малиновом платье. В обязанности, которой входило воспитание Кэя и общий уход за замком и кухней. Сэр Эклстер за глаза называл ее кастеляном в юбке. Добрая и ласковая она заменила Кэю бабушку, которую, к слову, тот жутко боялся.

– Ну, наконец-то, ваш отец уже трижды посылал за вами, – воскликнула она, поравняв-шись с мальчиком. – Пророк всемилостивый, да на кого же вы похожи, – глаза женщины с ужасом осматривали изодранные коленки мальчугана и порванный в нескольких местах кам-зол. Недолго думая, она схватила Кэя за руку и потащила к каменной пристройке, неуклюже торчавшей из угла крепости.

– Мари, Мари, – вбегая и таща за собой Кэя, прокричала она. – Приготовь что-нибудь чистенькое.

– Уже сделано. Я нашла только холщовую рубашку и шерстяные бриджи, – на лестнице, ведущей на второй этаж, показалась милая девчушка лет пятнадцати.

– Пойдет на первое время, лорд Аргер хочет поскорее увидеть сына.

– Лохань уже заполнена, а одежду я положила там, на столик.

– Хорошо, спасибо дорогая, приготовь теплого вина с пряностями. Сейчас придет сэр Эклстер, а он с самого утра на ногах.

Девушка, быстро поклонившись, спустилась по лестнице и скрылась за дверью, ведущей куда-то вглубь этой небольшой пристройки.

– Пророк всемилостивый, во что вы превратили камзол, – миссис Дьюрер еще раз бро-сила взгляд на одежду своего подопечного и, не разжимая его руки, повела за собой на второй этаж.

Лестница заканчивалась небольшим коридором с несколькими дверями по бокам. Край-няя левая была открыта, и из нее струился слабый свет. Женщина быстрыми шагами пересекла коридор и толкнула Кэя внутрь. Тесное, узкое помещение не имело окон. В центре стояла

большая лохань, из которой валил пар, сбоку от нее примостился небольшой столик, который обычно занимал место при кровати какого-нибудь лорда. На нем лежали аккуратно сложенные рубашка и бриджи, принесенные Мари.

– Быстро оттирайтесь, одевайтесь и марш в малый зал, отец вас уже заждался, – скомандовала миссис Дьюрер и закрыв за собой дверь, шаркая ногами, удалилась.

– И зачем меня снова суют в воду, я же сказал, что уже искупался в озере, неужели этого недостаточно, – бубнил Кэй, снимая грязные остатки камзола с не менее чистыми бриджами. – Интересно, что там за парень, неужели он и, правда, встречался с ним, – мальчик стал осторожно залезать в ожидавшую его лохань. Горячая вода обжигала, что нисколько не радовало ребенка при той жаре и духоте, что царила сейчас на улице и в крепости. – Весь город уже наверно видел культиста, почему мне так не везет, – Кэй с неохотой начал оттирать засохшую грязь с коленок и локтей, барахтаться в воде, то погружаясь с головой, то выныривая обратно. – Когда отец перестанет сердиться, надо будет его попросить пустить меня к нему, – его раздумья прервал тихий, осторожный стук в дверь.

– Лорд Аргер вы скоро? За вами пришел сэр Эклстер, – послышался звонкий голос Мари.

– Да, да. Я сейчас, – Кэй в последний раз с головой погрузился в горячую воду и вылез. Небрежно вытерся полотенцем, лежавшим тут же на столе, надел заранее приготовленную одежду и вышел.

– Так пойдет? – спросил он, спустившись на первый этаж, где его уже ожидал воин, попивая вино.

– Какой вы милый, – проворковала миссис Дьюрер, – но вытрите хорошенько голову, ведь опять простудитесь.

– Милый, – хихикнула Мари.

– Кэйл, я уже доложил твоему лорду-отцу, что ты в замке. Он ждет нас, – Хью, кряхтя, встал с соломенной скамьи и направился к выходу.

Вслед за ним вышел и Кэй, преодолев двор, они поднялись на стену крепости. С ее высоты было отлично видно весь лабиринт города. Стена упиралась в приземистую башню, войдя внутрь которой, они спустились на несколько футов вниз и, пройдя по длинному, витиеватому коридору, наконец, достигли двери, из-за которой слышалось бурное обсуждение. Сэр Эклстер постучал.

– Заходи Хью, – низкий бас ответил по ту сторону и, повинувшись приказу рыцарь распахнул дверь, пропуская вперед мальчика. В зале сидели три человек, прервав разговор, теперь они смотрели на вошедших. – Хорошо, Кэйл подожди немного, нам надо поговорить с сэром Эклстером, – сказал сидящий во главе стола человек.

Мужчина был плотного телосложения, средних лет, его лицо словно состояло из одних прямых линий. На выступающих скулах и подбородке росла жесткая, под стать карим глазам, небольшая бурая бородка, волосы на голове были коротко подстрижены.

– Ты уже слышал о ночном происшествии? – обратился он к севшему рядом рыцарю.

Кэй прошел к окну и тихо сел на твердую деревянную скамью, в надежде, что отец, отвлеченный разговором с Хью, забудет о нем.

– Да, мне рассказали про мальчика, но лишь в общих чертах, – командующий с усталостью провел рукой по глазам. Долгий, утомительный и жаркий день, подогреваемый выпитым вином, и усталостью от утренних поисков начали сказываться на самочувствии старого вояки.

– Мастер Арвуд, повторите, что рассказали вам стражи, принесшие мальчика, – обратился лорд к сидящему рядом человеку, увешенному всевозможными кореньями и травами.

– Меня разбудили ночью, – начал мастер. – Прибежал Лойд, мой новый помощник, сказал, что стражники принесли лорда Кэйла. Я, конечно же, сразу выбежал, но благо Лойд ошибся. И это не мудрено, у мальчика тоже песочного оттенка волосы и по возрасту, он может чуть старше нашего Кэйла. Но это все не так важно, на мальчике было множество ожогов и

порезов, местами на нем сгорела одежда и он без конца стонал. Я дал ему отвар мелисы, и пока он спал, мы его перевязали, – лицо старика осунулось, воспоминание об этой ночи явно причиняли ему боль. – Какое чудовище могло такое сотворить с ним? Сейчас он отказывается подпускать нас к себе. Мальчик сильно напуган, и мы даже не можем сменить на нем повязки ...

– Мастер Арвуд, мы приложим все усилия, чтобы поймать безумца. Расскажите о том, в чем вас уверяли гвардейцы, – прервал мастера над травами лорд Аргер.

– Да, да... конечно. Они сказали, что патрулировали стены города, когда увидели яркую вспышку около леса. Сначала не предав этому никакого значения, продолжили обход, но вскоре вспышка повторилась снова, а потом снова, пока не стали видны две бегущие фигуры. Первый, как теперь мы знаем, был тот самый мальчуган, а за ним высокий человек. Гвардейцы уверяют, что фигуры бежали вдаль, и они не сразу поняли, что действительно там происходит. Гнался ли за мальчишкой убийца или это всего лишь фермер, прогонявший очередного вора со своих земель. Но вдруг они увидели источник вспышек. Гнавшийся поднял руку с горящим факелом, другой рукой он тянулся к убежавшему, тогда-то они и услышали, что мальчик зовет на помощь. Они тот час бросились к стражам городских врат, чтобы те как можно скорее подняли решетку, те в свою очередь крикнули внешнему патрулю, чтобы он спешил на выручку. Остального они уже не видели. Говорят, что услышали пронзительный детский крик, но не могли ничего сделать, пока решетка медленно поднималась, освобождая дорогу. Когда, наконец, они выбежали за стены, то увидели уже людей из патруля, несших тело мальчишки. Дальше они принесли его ко мне, а остальное я уже рассказал, – закончил мастер Арвуд, угрюмо оглядев собравшихся.

– Это безумие, его пытались сжечь заживо? Мальчик что-нибудь рассказал о нападшем? – Хью не мог поверить в услышанное. Утром ему рассказывали о происходившем, но истории сильно разнились друг от друга, и доходили даже до того, будто бы сам Аргхзур явился в потоках пламени.

– Мальчик ничего не говорит, он напуган, если кто-то входит в комнату, он жметесь к кровати и испуганно смотрит, – с грустью повторил мастер Арвуд. – Если так и дальше будет продолжаться, боюсь, нам придется насильно влить ему отвар мелисы, и пока он спит, обработать ожоги и сменить повязки.

– Так вы его еще больше запугаете мастер, – прогремел лорд Аргер.

– Если он не даст нам обработать ожоги, и будет отказываться пить отвары, то в скором времени может погибнуть, мальчик в очень тяжелом состоянии.

– Хорошо, я веч...

– Отец можно мне с ним поговорить, – прервав разговор, вмешался Кэй.

В зале повисло вязкое молчание. Мастер Арвуд раскашлялся, сэр Эклстер прикрыл лицо руками, борясь с сонливостью, лорд Аргер задумчиво посмотрел на сына, поглаживая жесткую бороду.

– Идея, в целом, не плоха. Сверстника он может принять легче, я думаю можно попробовать, – наконец, нарушил молчание скрипучий голос мажордома Сеилэна, до этого старик угрюмо вел какие-то записи, не проронив ни единого звука.

– Кейл, поговори с ним, успокой. Пусть он начн...

– Я понял, – мальчик вновь прервал отца, не дав ему договорить, в надежде по скорей покинуть помещение и увидеть пострадавшего.

– Кейл, это серьезно, будь с ним помягче, не засыпай вопросами. Твоя задача показать ему, что здесь ему не чего не угрожает.

– Хорошо отец, – парень мигом бросился к двери.

– Кейл, мы еще поговорим о твоих вылазках за стены города, разговор не окончен, – строго добавил отец.

В душе Кэя переполняло ликование, но, собрав все свои внутренние силы мальчик сдержано кивнул и спокойно вышел в коридор замка. Отец все еще сердит на него, но это пока не так важно.

Выбравшись на улицу, он быстро пробежал по стене, спустился во двор и уже через несколько мгновений был в главном зале. Внутри стояла череда массивных длинных столов, главный, он же большой зал предназначался для пиров и приема гостей. Пройдя вдоль них, Кэй вошел в боковую дверь прямо за центральным столом, находившийся на небольшом возвышении перед всеми остальными. Он попал в скромную, тесную комнатку башни мастера над травами, уставленную столиками, между которыми сновал слуга, подметая пол. Здесь можно было отыскать разного вида и цвета колбы и баночки, со стен и потолка свисали травы и корни, некоторые были еще свежие, другие уже совсем засохли.

– Мастер Арвуд разрешил увидеть больного, которого принесли сегодня ночью, – прошептал он слуге. Прекратив мести, тот с недоверием оглядел посетителя и ничего не сказав, указал на дверь в углу небольшой гостиной.

Осторожно проскользнув между всеми склянками и травами Кэй, наконец, добрался к столь долгожданной цели. Мальчик лежал в полупустой комнате в большой кедровой кровати, на резной тумбочке рядом с ним стояли две мерзко пахнущие склянки с темно-болотной жидкостью. Парень был весь обмотан повязками, лишь левая часть лица выглядывала из-под желтоватой ткани. Под повязками выступали края ожогов, единственный видневшийся глаз был закрыт и временами в его мерном дыхании слышались тихие стоны.

Кэй осторожно прокрался к окну, попутно проклиная шумные ботинки, с босыми ногами он бы передвигался гораздо быстрее и тише, но миссис Дьюрер не позволяла ему одеваться, как он того хотел. Наконец, добравшись до узкого, каменного окна, он с легкостью запрыгнул на него и стал ждать пробуждения незнакомца.

Сам замок находился на возвышении, отчего даже с самых низких его окон можно было наблюдать за происходящим в городе. Эта особенность замка отлично проявила себя во время войны, даже после потери городских стен и стен самой крепости, замок мог продолжать оборону. Вот и сейчас Кэй мог наблюдать за сложным и запутанным муравейником. Люди сновали по туннелям то туда, то сюда, что-то волоча и передовая друг другу, но вдруг его отвлекло шуршание тканей и скрип кровати, мальчик, лежавший перед ним, проснулся и теперь с опаской взирал на него.

– Эээм... Привет я Кэйл, – Кэй попытался изобразить свою самую дружелюбную улыбку. – А тебя как зовут?

Парень лишь испуганно смотрел на него, все сильнее вжимаясь в спинку кровати.

– Говорят, ты видел культиста? Тим тоже его видел. Тим мой друг. Это вечером было, когда он относил еду отцу в кузню. Ему тогда никто не поверил, но потом еще несколько фермеров видели культиста. – Кэй так тараторил, что мальчик либо не понимал его, либо мастер Арвуд был действительно прав, и парень был настолько напуган, что боялся даже своего сверстника. – Я несколько ночей просидел на стене, специально, хотел посмотреть на него, но он так и не появился, – грустно добавил Кэй, замечая, что парень никак не реагирует на его слова. – Прости, я наверно слишком много говорю, отец сказал тебе не докучать, но ты же видел его... эээм... я пойду..., наверное, – Кэй спрыгнул с окна и поплелся к двери.

– Я Вилл, – слабым голосом ответил мальчик. – Они его убили? – спросил он уже менее затравлено.

– Да, стражники его изрубили, – решил соврать Кэй. Парень был сильно напуган. Он боялся не столько мастера Арвуда и окружения, в которое попал, сколько того, что за ним может вернуться. Пусть он лучше считает его мертвым.

– Хорошо, – с огромным облегчением прошептал ребенок, словно бы что-то темное, что нависало над ним все это время, наконец, исчезло.

– Ты не бойся мастера Арвуда, он хоть и выглядит жутковато, обвешанный своими травами, но он пытается помочь.

Мальчик кивнул и с гримасой боли попробовал привстать.

– Лежи, тебе еще рано вставать, – Кэй мигом подскочил и осторожно помог новому знакомому лечь обратно. Он никогда еще не видел подобного. К мастеру Арвуду часто приносили раненых гвардейцев, после пьяных драк на улицах или потасовок с местными разбойниками, обитавшими в немногочисленных лесах, но они все были опытными и умелыми воинами, а не мальчишками его возраста. – Когда ты поправишься, я покажу тебе город и крепость тоже покажу, а пока лежи. Я заскочу к тебе завтра утром, хорошо?

– Хорошо, – еле слышно прошептал в ответ Вилл и снова закрыл глаза.

3

Не отставал от них и третий, так же отозвавшийся на северный призыв. Он вспыхнул далеко на юге Тирьеры. В прибрежном городке Палена, всего в нескольких десятках миль от границы с долиной.

Утреннее солнце пробивалось сквозь светло-лиловые занавески в просторную овальную комнату, а легкие порывы ветра колыхали атласную ткань, превращая ее в невесомые, натянутые ветром паруса, прекрасной галеры. Внутри, занимая добрую четверть всего пространства, стояла огромная квадратная кровать, на которой могли бы уместиться пять, а то и шесть человек.

С высокого балдахина струился нежно-розовый шелк, ниспадая блестящими волнами на пол. Несколько пузатых подушек норовили упасть с края кровати, остальные же в хаотичном беспорядке валялись по всей комнате.

Кое-где с потолка свисали золотые и серебряные цепочки с мерцающими на концах звёздами и полумесяцами, пол же устилала темные, меховые шкуры различных животных. Между иссиня-черным мехом которых проглядывали едва различимые серебряные нити, переплетавшиеся в загадочном восточном узоре и скреплявшие лоскуты разных форм и размеров.

Но все это роскошное убранство блекло на фоне того алмаза, что хранился за стенами дорогого особняка. Меж разбросанных подушек металась совсем юная особа, развешивая картины по голым стенам из белого песчаника. Ее вьющиеся волосы были собраны в тугий конский хвост и из пышного пучка ниспадали водопадом до самого пояса.

В карих глазах девушки блестели живые огоньки мыслей и чувств, занимавших невинное создание в эти мгновения. Ее смуглая кожа еще сильнее подчеркивала шоколадный оттенок промасленных благовониями волос.

Алая туника плотно облегла тело и не имела рукавов, представляя вниманию изящные руки и стройную талию прекрасной девы. Багряные шаровары струились по ее бедрам и топорщились по всей длине ног, заканчивая огненно-красный наряд.

Вся комната пестрела яркими тонами, словно бы прибежище дня и ночи, она вобрала в себя все краски небесного мира. Со всех сторон бросалось обилие всевозможных цветов от ярко-красных шелков и блеска золотых украшений до пурпурных и темно-синих тканей, свисавших с потолка – импровизированного небосвода.

Днем, когда светило солнце, золото переливалось в его лучах, превращаясь в десятки маленьких огоньков, ночью, когда к власти приходила луна, наступало время серебра, отражавшего молочный свет в сотнях маленьких звезд.

В четвертый раз, перевесив картину с изображением восхода на фоне бескрайнего моря, девушка отошла на расстояние нескольких шагов и стала внимательно разглядывать ее новое расположение.

– Идеально, – улыбнувшись, радостно произнесла она, но в короткое мгновение, передумав, подскочила к стене и немного поправила положение картины. – А теперь тебя, – подхватив другую из стопки лежавших на кровати полотен, она вернулась к висевшей. На этот раз на холсте были изображены две галеры с кроваво-красными парусами, они плыли под лучами палящего светила, преодолевая высокие приливные волны. – Ты отлично будешь смотреться над восходом, но как же ... – девушка быстро оглядела комнату в поисках чего-нибудь, на что можно было бы привстать. – Ага, – бросив холст, она захлопнула большущий сундук, из которого торчали украшенные драгоценными камнями рукава платьев и дорогие кружева, привезенные ее дядей.

Его принесли сюда в день ее приезда, и он до сих пор стоял в углу комнаты вместе с остальными не разобранными вещами. Скрежещущий звук, передвигаемой тяжести, заполнил собой все пространство комнаты. Хрупкая дева, вцепившись в массивные ручки, навалилась на неподъемный груз, всем своим весом, толкая его перед собой, в надежде как можно ближе пододвинуть свой будущий уступ к висевшей картине.

– Тайя, дорогая, что ты делаешь? – на шум прибежал коренастый мужчина. Волосы его бороды уже тронула седина, а голова давно поросла белым полем всклокоченных колючек. На сухом, морщинистом лице виднелись следы сражений далёкого прошлого, пара неглубоких шрамов у лба и самый большой и тёмный проходил по левой щеке, от края глаза до уголка рта. Человек был одет в легкую песочного оттенка тунику с россыпью янтаря на груди и рукавах, отороченных золотистой бахромой. Поверх туники с его плеч свисал легкий плащ из кусочков шелка, ярко-красные шаровары были подпоясаны кушаком.

– Хочу повесить картину. Вон над той, – Тая указала на уже висевшее полотно.

– А ну-ка, – отстранив дитя, мужчина схватил обеими руками сундук и медленно, кряхтя, поднял его. – До чего же он тяжелый, – промелькнуло у него в голове.

В дом все сундуки перетаскали два паренька, но он был значительно крупнее и сильнее их, ну или по крайней мере считал себя таковым до сего момента. Осторожно передвигаясь по комнате, (массивная крышка сакvojа закрывала практически весь обзор) мужчина медленно приблизился к стене и не спеша опустил нелегкий груз прямо под висевшей картиной. – Ууух, – изогнувшись, прокряхтел он, разминая мышцы спины, и дождавшись мелодичного хруста, распрямился. – Стар я стал уже, вот даже не сгожусь и вещи-то таскать.

– Да что ты дядя, их сюда еле-еле два молодых парня занесли, а ты в одиночку поднял, – приободряюще улыбнувшись, произнесла девчонка, и подхватив картину с кровати быстрыми, ловкими движениями запрыгнула на сундук. – Что скажешь? Ровно висит? – обратилась она к мужчине, прижав картину к стене.

– Великолепно, милая моя. По-моему, у тебя талант, нам бы надо подумать об их продаже, – все еще потирая спину, улыбнулся тот в ответ. – Палена – город не большой, но богатый. Мне кажется, дела у нас тут быстро пойдут на лад. Что ты думаешь по этому поводу? Стены в лавке у нас почти не заняты. Если мы их вывесим, я думаю, уже скоро у тебя будет целая череда собственных заказчиков.

– Дядя Халэн, мой дорогой и милый дядя. Ты слишком переоцениваешь мои скромные возможности, – девушка спрыгнула с сундука и подскочила к кровати. – Я всего лишь стараюсь запечатлеть мгновения жизни, те прекрасные места, где я успела побывать и людей, что заботились и помогали мне. Тем более я не так талантлива, как мама, – ее взгляд упал на картину с роскошной усадьбой из красного песчаника.

Красивый двухъярусный дом, казалось, располагался в самом центре огромного пышного сада, сочные краски картины словно бы оживляли его, отчего казалась, что стоит лишь протянуть руку и прикоснуться, и через мгновения картина затянется в дикий, дышащий жизнью лес. Со второго этажа, стоя на балконе, куда-то вдаль бескрайнего моря смотрели два силуэта.

– Алиана еще многому тебя научит, если ты, конечно, перестанешь убегать каждый раз, когда она пытается тебе хоть что-то объяснить, – дядя легонько щелкнул по носу свою племянницу и расплылся в широкой, детской улыбке. – Мне перенести обратно сундук?

– Нет, оставь, я хочу рядом повесить еще несколько.

– Хорошо, но не вздумай двигать сама, Ваалир меня убьет, если с тобой что-то случится.

– Не буду, – тихо, машинально ответила она, увлекшись выбором следующей картины.

– Зови, если понадобится, я буду на первом этаже, расставлять товар. К нам сегодня привезли два мешка корицы, так что вечером жди пирог с апельсинами и персиками. Я к тебе отправлю Наирима, сразу как он вернется, пусть помогает разбирать вещи.

– Даааа... – пальцы Тайи гладили шершавую поверхность полотна, – да. Спасибо.

– Ну не буду тебе мешать, – Халэн развернулся и вышел из комнаты, что-то напевая себе под нос.

– Все не то, – она осматривала картины одну за другой, раскладывая их в разные стопки. – Я помню, помню, что еще был павлин, да где же он, – девушка отложила последнюю, и тут же ринулась к сундуку, разбросав все его содержимое. Просмотрев все еще раз и, наконец, поняв, что внутри кроме платьев больше ничего не находилось, она принялась обыскивать комнату.

Осмотрев каждый дюйм, обыскав каждый угол и даже заглянув под кровать, и так и не найдя нужного полотна, Тайя, запрыгнув в легкие, с загнутыми носами туфли, вышла из комнаты в длинный светлый коридор. По левую сторону бил яркий солнечный свет из широкого прохода, в нескольких шагах справа находилась лестница, ведущая на первый этаж. Пройдя на свет, она оказалась на огромном балконе – его размеры были даже больше чем сама ее комната. Рядом с каменными зубцами, служившими бортиком, стояла деревянная конструкция из тонких реек, к вершине которой был прикреплен чистый лист, а у подножия сохли уже несколько готовых работ.

Тайя проводила практически все свое свободное время на балконе, рисуя новые картины или просто наблюдая за снующими туда-сюда горожанами и вечно бурлящим морем.

Осмотрев конструкцию и несколько неоконченных работ, она устремилась на первый этаж. Лестница заканчивалась прямо за прилавком, сразу за которым тянулись, непрерывной чередой длинные, узкие столы. Плотнo прилегая к стенам, они оставляли лишь небольшой проход у входной двери. Почти все из них были забиты товарами, лишь на некоторых еще оставались крохотные островки свободного места.

Один из столов был полностью заставлен разного вида, цвета и состояния перцами. Здесь был красный и черный, белый и Паргинский синий. Свежие стручки свисали над столом яркими, разноцветными гроздьями, сморщенные сушеные, лежали в лотках, перетертые до порошка содержались в стеклянных баночках и кожаных мешочках.

Другой стол занимали специи, пучки свежего тимьяна и кориандра свисали с натянутой над столом бечевки, лиловые пики шалфея гордо возвышались над всеми остальными травами, скрюченные, в причудливых формах, корни имбиря были плотно утрамбованы в стеклянных банках. Палочки корицы, словно деревянный частокор окружал горшочки душистого базилика. На небольших полках, возвышавшихся от поверхности стола до самого потолка, стояли их сушеные собратья.

Рядом играли обилием красок фрукты и ягоды. Яркие лимоны соседствовали с апельсинами и плодами лайма, словно огромные сталактиты, над столом свисали спелые бананы. Пузатые и продолговатые яблоки вобрали в себя практически всю палитру цветов, от темно-багровых, практически черных, до сочно-зеленых и золотых. Далее эстафета передавалась ягодам, от самых больших зеленых и полосатых до маленьких и красных, размером с ноготок. Лотки были доверху набиты лесными ягодами, которые, конечно же, считались большой редкостью для жителей Айленда. Лишь в лавке Халэна можно было увидеть малину и землянику, соседствующую с гроздьями винограда.

Здесь были столы и с овощами, были и со свежими, солеными и сушеными грибами, под столами прятались мешки зерна и муки.

Практически у каждого стола стояли несколько высоких глиняных горшочков, рядом с фруктами в них находились изюм, курага и финики, около пряностей они содержали орехи.

Словом, лавка Халэна могла исполнить любой вкусовой каприз покупателя. Постоянные поставки специй и фруктов с жарких южных островов, а грибов и овощей из Мидленда не давали торговле зачахнуть.

Для ее дяди открытие лавки было далеко не в новинку, он уже имел четыре преуспевающих в разных городах Айленда – в песчаном Фасхеме, куда и не каждый торговец то решится приехать, в приморском Саротелли – одном из самых богатых городов юга, в древнем Ниализе, где располагался крупнейший рынок и по совместительству главная резиденция Торговой Картели и в самом северном городе – прохладной Паргии у самой границы с Долиной. В каждой новой лавке он проводил первые несколько месяцев, пока дело не крепло, и в городе не находился подходящий человек, которому он мог бы доверить свое предприятие. Сейчас же настала очередь Палены.

Пару месяцев назад, когда он только отправлялся в дорогу, брат попросил его взять с собой свою дочь. Кочевников в последнее время стали все чаще замечать близ городов Картели, поговаривали, что несколько могущественных племен объединились и теперь намерены вернуть отнятые у них в прошлом земли, и Ваалир предпочел отослать дочку в более безопасное место.

Когда-то юг континента, принадлежал разрозненным племенам кочевников, и во всей бескрайней пустыне можно было считать удачей встречу хотя бы с парой низеньких ветхих лачуг.

Но во время войны Пророка с орденом Аргхзура многое изменилось, не все население Долины приняло новый порядок (старые верования вытеснились, а за поклонение Темным Богам людей уводили в Солас Мор, огромную цитадель-город). Тогда то многие и покинули родные земли, устремившись на юг. За семьсот лет беженцы Долины смешали свою кровь с жителями степей, возвели города и селения, а свою бывшую родину теперь называли на языке кочевников Мидлендом.

– Дядя, – Тайя спустилась к прилавку, под которым, что-то перебирая, копошился Халэн.

– Что дорогая? Передвинуть сундук обратно? – вздохмаченная голова выглянула из-под прилавка, но скрип двери отвлек мужчину. – Подожди солнышко, – он вышел на встречу к покупательнице, пожилой даме, рассматривающей столик с пряностями и орехами. – Чем я могу помочь столь юной особе? – обратился он к старушке в темной мантии.

– Ой, вы мне льстите, – заулыбалась та в ответ, – я хотела испечь лепешки и...

Тайя прошла за прилавком и села в глубокое, оббитое мягкой тканью кресло, пока дядя беседовал с покупателями, носился по магазину, собирая склянки со специями, орехи и фрукты, она, скучая, наблюдала за происходящим.

Когда отец только сообщил ей, что собирается отправить ее вместе с дядей, девушка прибежала к нему по несколько раз за день, ей хотелось, как можно скорее покинуть родной дом, пересечь бескрайние степи за стенами города, бороздить бушующие моря, наконец, увидеть Палену, звавшуюся жемчужиной Айленда. Но уже на второй день дороги она начала скучать по заботливым рукам матери, по ласковому взгляду отца. Чуть больше трех месяцев назад они отплыли из Сеилитэна и уже почти месяц как обосновались здесь. Дядя заботился о ней как о маленьком ребенке, его сын Наирим служил в Песочном отряде – группе наемников, охранявших город. Все свое свободное время молодой человек старался проводить рядом с ней, они почти закончили украшать ее комнату, и она твердо вознамерилась заняться апартаментами брата сразу после своих.

– Ну что идем? – задумавшись, она даже не заметила, как дядя освободился и очутился прямо перед ней, расплываясь в свой повседневной улыбкой.

– Аааа... нет, нет. Я не могу найти картину с павлином, помнишь, такую с фиолетовыми перьями? Я тебе ее на корабле еще показывала.

– Может, она в моих вещах затерялась, все никак руки не доходят разобрать эти сундуки, – дядя открыл дверь, располагавшуюся позади прилавках, выведившее в небольшое помещение, уставленное до самого потолка громоздкими сундуками. Из-за нехватки места они стояли один на другом, отчего возвышались темными массивными колоннами.

– Поищем тут, а не найдем – у меня еще в комнате несколько стоят, – он указал на дверь, ведущую в западное крыло дома.

Осторожно стаскивая сундуки один за другим, они вываливали их содержимое, осматривали и заталкивали назад, отодвигая осмотренные в сторону.

– Отец, – в проеме появился молодой человек, одетый в кожу, с его пояса свисал широкий палаш.

– Наирим, ты сегодня что-то рано, а мы ведь даже не услышали, как ты зашел. Надеюсь, я не пропустил покупателей, мы слишком увлеклись, – лицо Халэна стало взволнованным. – Помоги Тайе, мне будет спокойнее за прилавком...

– Нет. Нам нужно поговорить, – резко, перебив отца, произнес юноша.

Пара вышла из комнатки, о чем-то бурно перешептываясь, вдруг Наирим так и не недослушав отца в мгновение выскочил на улицу, а Халэн быстрым шагом направился прямо к наблюдавшей ней.

– Тайя, милая, ты помнишь, где твой походный плащ, в котором ты приехала сюда? – ласково спросил он.

– Да, у меня наверху, в том самом сундуке, что ты перетаскивал.

– Хорошо, милая, беги скорее наверх, одевай его и спускайся сюда, – больше ничего не сказав, он чуть ли не бегом ринулся к двери, ведущей в западное крыло дома, где находились комнаты его и Наирима.

Не понимая, что происходит она выбежала из подсобки и поднялась на второй этаж. Платья, камзолы, мантии, туники валялись по всей комнате, но ее плаща нигде не было. В поисках картины она разбросала все и теперь боялась, как бы случайно не выкинула его в окно. В панике она подобрала все вещи, забрасывая их обратно в сундук, снова залезла под кровать, но плащ так и не нашла.

– Он у меня, – в проеме вновь показалась фигура Халэна, протягивая плащ, – видимо я его захватил вместе со своим. Его внешний вид сильно изменился. От туники, украшенной янтарем, не осталось и следа. Дядя был одет в темную кольчугу, на поясе у него висели два длинных изогнутых ятагана, поверх всего была накинута мантия темно-песочного цвета, скрывающая боевое обмундирование.

– Что происходит? – таким дядю ей видеть еще не приходилось и это ее сильно пугало. Вечная ребяческая улыбка пропала, уступив свое место жесткому суровому лицу. Халэн был встревожен, в этом не было сомнений, но что этому послужило причиной, пока было не ясно.

– Ничего страшного, немного поплаваем, ты же любишь море? Помнишь, как ты ко мне прибегала в Сеилитэне? Сейчас я покажу тебе королевские рифы, – дядя постарался изобразить улыбку, но впервые у него это не получилось.

Спустившись и выйдя на улицу, даже не заперев дверь, они направились вниз по дороге.

Палена располагалась на берегу моря, так что до порта было всего несколько десятков шагов. Тайя не раз уже наблюдала, как с грузеных кораблей в лавку несут мешки и бочки со всевозможными специями, но сейчас город преобразился. Многие дома были фактически брошены, из некоторых еще выбегали люди или в спешки выносились утварь, другие уже пустовали с открытыми нараспашку дверями.

Спустившись к порту, они увязли в невероятном скоплении людей, несколько верениц тянулись к кораблям, вдалеке виднелись паруса уплывающих, а с улиц прибывали все новые толпы горожан. Халэн крепко сжал руку племянницы и, расталкивая народ, поволок ее к кораблю. Многие возмущались, слышались угрозы, но они продолжали пробиваться к трапу. На палубе командовал толстый мужчина, что-то выкрикивая поднимавшимся людям.

– Рьег, – крикнул он человеку и замахал рукой, привлекая к себе внимание.

– Халэн! Пропустите его. Пропустите!!! Скорей поднимайся, – перевалившись через бортик, крикнул толстяк.

– Пусть ждет своей очереди, – послышалось из толпы перед кораблем.

– Тихо, – гаркнул Рьег, – радуйтесь, что мы вообще вас берем и даже не просим платы взамен.

– Ах ты жирный ублюдок, – из толпы уже, поднявшейся на корабль выбежал мужчина в лохмотьях, – там мои жена и дети, если они не попадут на борт, я тебя сам отсюда скину. Думаешь, если ты богат, то можешь распоряжаться чужими жизнями?

– Что ж ты сам-то сюда забрался? Пропустил бы сначала детей и жену, а уже потом спасал свою шкуру, – Рьег развернулся, подзывая к себе матросов.

– Заткнись! Еще не хватало, что бы мне указывала такая свинья как ты!

– Ну, все хватит! – вспылел капитан. – Твою жену и детей мы увезем, а ты выметайся с моего корабля. Ребята помогите пассажиру спуститься, – обратился он к команде.

– Ах, ты отродье, вы его слышали, слышали? – у оборванца что-то блеснуло в руке, быстрым рывком преодолев расстояние до капитана, он прижался к нему вплотную, продолжая выкрикивать оскорбления. Тайя даже не заметила, что произошло, но уже через секунду капитан держался за горло, его глаза выпучились, готовые вылезти из орбит. Сделав два-три отчаянных вдоха, он упал на колени, и из его рта багровой струйкой потекла кровь. Словно бы пытаясь что-то сказать его губы беззвучно шевелились, но в одно мгновение все закончилось – он замер и в тот же момент с остекленевшими взором, рухнул на палубу.

Обезумевшие от паники и вида крови люди ринулись на корабль, расталкивая друг друга, некоторые полетели в соленую воду, другие падали и разбивались о мостовую. На самом корабле команда, выхватив мечи рубила наступающий люд размашистыми ударами.

– Идем. Скорее! – Халэн рывком выдернул племяннику из наступающей толпы.

Теперь они бежали назад, вглубь города, навстречу новым толпам горожан, надевшимся на спасение в порту. Пробежав через полупустые улицы, они снова попали в людской поток. Часть населения пыталась покинуть город по суше, но здесь пока что было спокойно, люди медленно продвигались внастежь открытые ворота, а вооруженная охрана следила за порядком.

Из отряда охранявших ворота наемников к ним подбежал Наирим.

– Что вы здесь делаете? Вы уже должны быть на корабле! – выпалил парень.

– Корабля не будет, они убили Рьега. Нам нужны верблюды, ослы, лошади, кто угодно. Найди их, и срочно.

– Как убили? – на лице парня смешалось растерянность, граничащая с паникой. – Кто убил? Кто они?

– Люди кто еще, в городе паника. Наирим, очнись! – отец, схватив сына за плечи, встряхнул его словно только привезенный мешок со специями. – Нам надо уходить!

– Уходить. Как? По земле? Я сейчас пошлю людей в порт, мы отплывем.

– Никуда мы не отплывем, их убьют! Наирим Халэн Асап найди нам лошадей, немедленно!

– Да. Сейчас, – строгий голос отца видимо отрезвил парня, и он скрылся за домами. Несколько мгновений спустя он вернулся с двумя верблюдами нагруженными мехами с водой и небольшими мешками. – Здесь вода, ее должно хватить на неделю, – парень указал на меха. –

Здесь что успел собрать, в основном лепешки, да хлеб, – рука шлепнула по надутым кожаным мешкам.

– Хорошо. Где твой?

– Отец я поеду один, без меня у вас больше шансов выжить, они не воспримут тебя как врага. Встретимся через несколько дней в Фасхиме.

Кочевники не имели собственных деревень и жили в основном за счет грабежей караванов. Единственным их постоянным городом был Аркх Мазул, но и тот был всего лишь огромным лагерем без единой постройки. В нем обитал старейший – хранитель традиций и обрядов, он сам выбирал себе приемника и обучал его всему что знал, а после своей смерти его место занимал ученик, и так происходило раз за разом. Аркх Мазул имел несколько полей, за счет которых и получал пропитание, все остальное приносили вожди племен. Каждый вождь обязан был посещать старейшего раз в два месяца, принося с собой дары и прося совета, так же старейший разрешал споры и был высшим законом, если подобные обряды вообще могли называться законом. Кочевники имели одно принципиальное отличие от обычных разбойников, орудовавших в пустыне. Они никогда не нападали на слабых, и чтобы те не везли, ни один воин племени никогда не обнажал свой меч. К слабым кочевники относили детей, женщин и стариков, убийство беззащитных жестоко каралось, но это правило не распространялось на военные трофеи.

Вожди – самые уважаемые и сильные воины своих племен прошли немало битв и приходили к власти, как правило, в ходе того или иного сражения. Если в охраняемом караване были женщины, по праву трофея, их отдавали в пользование воинам, хорошеньких вели к вождю. Уродливых, старых и строптивых брали в рабство, старики не годились в рабы, поэтому их чаще просто убивали. Паре путников, как они кочевники были не опасны, нападение на них означало бы бесчестье, изгнание из племени и скорую смерть, но наличие охраны сулило бы верную гибель.

Отец и сын обнялись, Тайя впервые увидела слезы в глазах дяди. Ничего не сказав, он посадил ее на верблюда и забрался на соседнего сам. Наирим проводил их до невысокой калитки рядом с воротами и выпустил наружу.

Отъехав от города, девушка, наконец, набралась смелости спросить дядю, что происходит.

– Что-то странное творится в глубине пустыни. Кочевники раньше никогда не были такими агрессивными и смелыми, – грустным голосом пробормотал дядя. – Наирим сказал, что их разведчики заметили огромное племя, приближающееся с запада, а ведь это Палена, один из самых могущественных городов Айленда. И видимо эта новость распространилась слишком быстро, вот город и охватила паника.

Города Айленда, в отличие от замков Долины, были не предназначены для осад, хрупкие дома и стены города были выстроены из песчаника и не отличались высотой или обилием укреплений. С другой стороны, в этом и не было необходимости, какими-то осадными машинами кочевники не обладали, предпочитая быстрые конные набеги. Как правило, каждый город имел свой гарнизон из наемников, которые вполне могли поддерживать порядок в городе. Нападение на город, тем более на столь крупный и богатый (что означало высокую численность местной Песочной Гвардии) казалось ошибкой или чьей-то плохой шуткой.

Весь следующий путь они проехали в полном молчании, редкие кустики и слабые ростки пожухлой травы пробивались сквозь голую песчаную землю. Ближе к морю, земля была плодородной, в городах выращивались пышные сады, а за их пределами земля была мягкой, а деревья высокими. Но Халэн вел верблюдов вглубь материка, к пустынному городу Фасхиму, чем дальше они продвигались, тем беднее становилась земля и все больше наступали пески.

Всю дорогу девушку не покидало ощущение, что за ней кто-то наблюдает. Временами ей мерещились темные фигуры вдалеке, но короткий миг, и они исчезали, словно причудливый мираж.

Тишину нарушил дядя, остановив своего верблюда, он взгляделся куда-то за горизонт, где клубилась пыль, спешившись, он взял своего верблюда за поводья и дальше продолжил путь пешком.

– Ты сиди, – грозным голосом сказал он, попытавшейся слезть вслед за ним племяннице.

Клубы пыли приближались и вскоре рассеявшись, показали с десятков всадников, потом их число увеличилось до сотни, пока словно приливная волна на них не хлынул поток конных воинов. Кочевники окружали их со всех сторон, в центр из толпы выехал худощавый парень, его тонкие руки лежали на двух ржавых мечах.

Еще завидев клубы пыли вдалеке Халэн уже не сомневался, с чем им придется столкнуться в ближайшее время. Действительно племена кочевников было сложно перепутать, с кем бы то ни было другим. Все их отряды независимо от размера и богатства имели совершенно одинаковое обмундирование, отличаться могли лишь цвета, и то не значительно. Как правило, это были темные, чаще песочного цвета однотонные костюмы, состоящие из свободного кафтана с глубоким запахом и шаровар. Голову закрывал легкий кожаный шлем, с которого свисали несколько длинных полосок ткани, сейчас они были обмотаны вокруг головы, закрывая лицо и шею, но оставляли узкую щелку для глаз. Подобный шлем был бесполезен в бою, но спасал при песчаных бурях, которые были не редким явлением в глубине пустыни.

– Кто ты *старик* и куда плетешься? – процедил с нескрываемым раздражением воин, прыгнув с коня, – говори, а не то я возьму твою голову в качестве трофея.

Кочевник, говоривший с ними, был молод, слишком молод, от силы ему можно было дать лет семнадцать, он не мог быть вождем, решил Халэн, но их окружал огромный отряд и он, по всей видимости, ему подчинялся.

– Ты управляешь этим племенем?

– Ты не смеешь задавать мне вопросы *старик*, но я тебе отвечу, тем более что жить тебе осталось не долго, – юноша сплюнул и разразился жутким, визгливым смехом. – Мое имя Рахж Разящий, в моем подчинении первые всадники Бахрама Айед Айгея, моего кровного брата.

– Если у тебя есть честь, уведи своих людей и дай нам дорогу, – Халэн обнажил мечи, угрожая юному вождю. “Что-то с кочевниками было действительно не так, но если начнется бой, он уж точно захватит с собой этого наглого выскочку,” – решил он, готовясь к сражению.

– Убери меч *старик!* – в голосе парня проступило напряжение. Он, в который раз с презрением акцентировал свою речь на слове «*старик*». – Была бы моя воля, я бы украсил твоей никчемной головой своего коня, а твоя девка ублажала бы меня этой ночью. Отвечай, откуда ты идешь? – Халэн, послушно убрал мечи, в надежде все-таки избежать заранее обреченной на поражение битвы. Как только они доберутся до Фасхима нужно расспросить Наирима, что происходит в пустыне, но сейчас главное не совершить ошибку.

– Мы путешествуем из Палены.

– Палены? Ваш белый город боится, да? Я правильно понял тебя, *старик*?

– В городе паника, там остались только больные да мертвые, вы ничего там не найдете.

– Вот как. Значит, мы добьем раненных, а потом догоним таких же беглецов, как ты, – воин осклабился в ехидной улыбке.

– У вас есть закон...

– Закон?!? – Рахж взбесился, его визгливый голос перешел в крик. – Красный человек с проклятой четвероногой тварью убил закон, и теперь молитесь своих жалких богов о теплом приеме. Скоро вы с ними встретитесь! – парень снова сплюнул, вскочил на коня и скомандовал отряду продолжить путь.

Быстро разгоняясь, всадники скрылись, удаляясь на восток, к Палене.

– Наирим пусть сохраняют тебя темные боги. Тайя, нам нужно свернуть, – запрыгнув на верблюда, он повел его на север обратно к морю. Мысль о том, что это войско всего лишь разведка, прощупывающая путь основных сил, сильно встревожила его. Откуда такая численность у одного вождя, что за красный человек? Оставалось много вопросов, и ответы на них не сулили ничего хорошего.

Они ехали без остановки до самого вечера, пока Халэн опять не спрыгнул с верблюда, вдалеке снова маячили всадники.

– Провалитесь вы в бездну! Мы же должны были их объехать. Тайя, веди себя тихо и если боги нам благоволят, мы благополучно минуем и их.

Тем временем люди приближались, одежда их разительно отличалась от войска кочевников под руководством Рахжа, сразу же бросалось в глаза их ободренные камзолы и шаровары, разного цвета и размера.

– Это не кочевники, – он завел правую руку под плащ, положи ее на клинок, готовясь в любой момент выхватить его из ножен и нанести удар.

– Может это караван, – звонкий счастливый голос племянницы сжал сердца ее дяди, во всей этой неразберихе и спешке он совсем забыл, какое юное дитя путешествует с ним.

– С ними нет товаров, одни наемники, – первые четыре всадника уже находились в нескольких ярдах от них, другие стояли на горизонте, следя за происходящим. – Если я скажу, беги – пинай, кусай верблюда, но гони его, как можно быстрее назад в Палену и не оглядывайся, – прошептал дядя. – Кто вы? – выкрикнул он приближающимся всадникам.

– Мы мирные беженцы, как и вы. В степях стало не безопасно, кочевники бушуют, нападают на караваны пуще прежнего и даже не боятся атаковать города, – один из всадников изобразил улыбку и, спрыгнув с коня, стал подходить ближе. – Вы так прекрасны и беззащитны, я могу вас охранять и днем, и *ночью*, – добавил он, не сводя глаз с юной особы.

Остальные трое всадников уже окружили их со всех сторон. Халэн перехватил руку мужчины, тянувшуюся к его племяннице, и потребовал оставить их в покое.

– Не мешайся старик, я разговариваю не с тобой, – наемник выхватил изогнутый меч, приложив острое лезвие к горлу вставшего перед ним мужчины. – Будь поговорчивее, и быть может мы дадим тебе уйти живым, – улыбаясь, прошептал он ему на ухо.

– Беги!!! – крикнул Халэн и что есть сил, шлепнул верблюда своей племянницы.

Наемник не успел проронить и слова или что-либо предпринять, как меч старого война вошел в его горло и, переливаясь алым блеском, вышел с обратной стороны.

Кружившие рядом всадники даже не заметили гибели своего товарища, двое из них ударив ногами своих коней, было, ринулись в погоню, но в ту же секунду повалились на землю, сопровождаемые болезненным криком лошадей. Ноги обеих были подрублены, с диким ржанием они пытались подняться и снова падали, все сильнее вдавливая своих бывших наездников в твердую землю.

Последний из четверки выругался, выхватил свой меч и ринулся на соперника. Его лошадь последовала примеру предыдущих и в скором времени жалобно простонав, упала с распоротом брюхом. Ловко соскочив с погибающего животного, наемник, продолжал наступление, его глаза горели, меч жалил быстрыми, резкими ударами, все дальше оттесняя оборонявшегося. Отбив очередной удар Халэн повалился на землю, метя плечом в колени противника, опьянев от ярости и безумия кровавого танца, нападавший так и не заметил уловки, его меч прочертил линию там, где мгновением ранее была шея врага. Не удержавшись на ногах от сильного удара, он начал падать, его рука еще продолжала слабо дергаться, силясь нанести удар, в то время как из спины торчали два окровавленных клинка.

Все четверо были мертвы, но в их остекленевших глазах все еще блеснул огонь битвы, а вот жизнь их покидала, оставляя лишь молчаливо взирать на судьбы оставшихся в этом мире.

Измощенный, окровавленный старый воин вылез из-под мертвого тела, поднявшись, он приготовился встретить приближавшийся отряд.

Слезы застилали глаза, из-за страха дрожали руки, ей с трудом удавалось держаться на несущемся животном. Обняв верблюда и утопив лицо в его длинной пушистой шерсти, она рыдала.

– Тише, разве можно так нестись, ты чуть не скинул свою хозяйку, – совсем близко раздался бархатный голос, поразивший девушку и вернувший ее к реальности.

Таяя отцепившись от верблюда, попыталась оглядеться. Животное больше не мчалось, в этом не было сомнений, и со всех сторон слышались голоса. Из-за слез, картинка расплывалась, вокруг нее кружили очертания людей, один из них находился прямо перед ней. Протерев глаза, девушка попыталась понять, что же произошло. По всей видимости, она ускакала далеко от того места, где на них напали, и чуть не врезалась в караван. Рядом стояла вереница верблюдов нагруженных всевозможной утварью, между ними ходили люди, несколько вооруженных всадников патрулировали округу. На нее смотрел кареглазый мужчина, одной рукой он держал поводья, другой, успокаивал животное, глядя его по шее.

– Помогите! – опомнившись, прокричала она, схватившись за руку мужчины, став указывать назад, – на нас напали... там дядя... они его убьют...

– Тише дорогая, кто на вас напал? – бархатный голос успокаивал и вселял надежду.

– Там... они... кровь... – только и могла всхлипывать девушка.

4

Отставал лишь последний. Самый слабый, блеклый, он никак не хотел разгораться и всеми силами противился призыву собратьев. Зародившись глубоко в землях Айленда, он был самым молодым, гордым и непослушным. Он чувствовал тягу, слышал зов, и даже не ведая того, несся напрямиком в эпицентр.

Огромные серые монолитные обелиски окружали полного мужчину, облаченного в дорогие шелка. В это мрачное, холодное помещение никогда не проникали солнечные лучи, здесь не было окон, а стены и потолок утопали во тьме. Единственный свет здесь исходил от факела, размещенного на невысоком постаменте. Его скудного пламени едва хватало на то, чтобы осветить самого человека и очертания камней.

– Судя по вашему прошлому докладу и информации, известной нам по собственным источникам, магистрат теряет авторитет и контроль на Мидлендом, а сам Великий Магистр отсутствует, – толстяк говорил надменно, но все же в его речи чувствовался страх, перед окружавшим его мертвым камням.

– Люди шепчут, что лорды бунтуют, возможен заговор против ордена, – донесся голос со стороны одного из обелисков, и его сразу прервал другой.

– Даже ослабленный предательством вассалов орден все еще имеет многочисленное войско в наших землях и ни одну экспедицию на Кальдере. Вы рискуете, если решили объявить ему войну, – второй голос был низок и по ощущению принадлежал гиганту.

– Мы представляли вам доклад в прошлом месяце о возможном положении скрытой тюрьмы или исследовательского центра, принадлежащего ордену, к югу от города Маанхерт. Его вы, кажется, проигнорировали, а теперь заявляетесь с просьбой о покушении? – проскрежетал новый голос, возможно принадлежащий дряхлому старику.

– Вы не так меня поняли, – начал оправдываться стоявший в центре мужчина. – Мы просим вас подтвердить или опровергнуть исчезновение магистра Льюса и по возможности подстегнуть недовольство лордов.

– Подобные действия не останутся без внимания магистрата, – вновь в разговор вклинулся бас.

– Мы будем все отрицать, как и всегда, – быстро отпарировал толстяк.

– Играете с огнем, Хезар, – задумчиво произнес старец. – Но, если орден начнет войну, безмолвные вам не помогут.

– Хорошо, совет будет ждать нового отчета, – удовлетворенный полученным мужчина по кругу поклонился обелискам, и подхватив факел, скрылся в полумраке.

Улицы Ниализа были как всегда многолюдны. Народ шнырял туда-сюда, кто-то продавал, кто-то покупал, кого-то покупали. Столица Торговой Картели была самым живым и населенным городом из всего Айленда. Здесь располагались и совет купцов картели, что фактически и управлял всеми городами, и формальный форт Безмолвных – наемников, по желанию, выполнявших роль армии и стражей Картели. Здесь же и в неприметной землянке располагался алтарь Тишины – организации исполнявшей роль разведки и вечных наблюдателей. Власть в Картели менялась чуть ли не каждый день. Купцы приходили и уходили, разорялись и обогащались, и в конце концов временами случайно умирали, отчего совет менялся довольно часто, как и сами его решения, чему к слову и способствовали, как Тишина, так и сами Безмолвные.

Барет – мужчина лет сорока, плотного телосложения, за всю свою жизнь успел натворить многое. В детстве он воровал, в юности убивал, сейчас же он жил с виду тихой, мирной жизнью. Ища в юности пропитание, он вступил в ряды Безмолвных, и был направлен в Фасхим, дабы присоединится к местной Песочной Гвардии. Конечно, работа была не из приятных, но зато сколько возможностей открывало для юного бывшего вора. Тут тебе и власть над мелкими купцами и деньги и связи. Хочешь воровать, но зачем, ведь можно обирать население, причем регулярно и без какого-либо риска. Наскучит воровать, так обязательно найдешь в городке три, а то и десять различных купцов, не поделивших рынок и умолявших тебя убить злополучного конкурента за любую плату.

К счастью или, к сожалению, но Барет убивать не любил и все свои пять лет службы в гвардии провел тихо, лишь изредка вмешиваясь в конфликты населения. В результате подобная жизнь не принесла ни дохода, ни славы, ни известности, в итоге он был никем, одним из миллиона других, не приметный, одинокий и никому не нужный. Никому, разве что Тишине.

Как-то к нему подошел малыш, лет восьми, весь ободранный и худой, типичный ребенок, выросший в Картели. Он позвал могучего стража на рынок, где, по его словам, грабили его мать. По очевидному совпадению до рынка они так и не дошли. Память о дне или неделе, когда он стал частью Тишины, для Барета всегда была расплывчата. Очнулся он уже в другом конце пустыни, с сидевшей над ним бабкой, смачивавшей его лоб. Фасхим остался в далеком прошлом, как его прежняя жизнь. Его первым заданием было войти в совет Картели, а чуть позже умереть. Справился он не шибко хорошо, но руководство Тишины осталось довольно. Сейчас же уже спустя пятнадцать лет, он был незаменимым человеком, и практически единственным агентом, который исшагал Великую Долину вдоль и поперек. Он знал множество тайных троп и пещер в лесах, все скрытые входы и выходы в крепости лордов, всех продажных стражей, и гвардейцев. Словом, Тишина не особо долго размышляла о кандидатуре, способной выполнить новое задание.

– Налей-ка мне тоже, – плюхнувшись на большую деревянную скамью, прокричал он стоявшему поодаль мужчине.

– О! Велет, видать денег раздобыл, раз вновь появился. Давненько тебя не было видно, – к наемнику подсел худощавый тип с ехидной улыбкой лисы. – Тут дельце одно есть, пособишь? – чуть ли не шепотом произнес он, склонившись над кружкой.

– Снова грабить караваны? К чему тебе это, шел бы в гвардию.

– Люблю свободу. Ну, что скажешь? Куш то не маленький.

– Новости не слышал разве? Молва ходит, что не ладное что-то твориться у кочевников. Собираются в стаю, словно дикие собаки. Не ровен час, как нападут на нас.

– Народ любит сплетни, делу это не помешает. Давай, соглашайся, Велет, вспомним старые времена.

– Ты лучше мне скажи, знаешь ли купцов, что торгуют снедью из Мидленда? Травы там, грибы.

– Зачем тебе это? Вино, персики, да девчонка под рукой, что тебе еще то надо.

– Так знаешь или нет?

– Ну, купец Глисер Арар Ту Шах тут недавно ягодами торговал, явно, что ненашенские они. Халэн сэ Шахис аль Досур, но о нем ты знаешь.

– Где Глисер найти знаешь?

– Да, там же где и всех остальных, на базаре спроси. Эй ты куда? – выкрикнул лис, провозжая мужчину недобрым взглядом. – Да и хрен с тобой, недоумок, – сплюнув на стол, где мгновение назад сидел его так называемый друг, огрызнулся разбойник. – Хоть эль не допил, и то какая-то польза от тебя.

Народ не переставал суетиться, наполняя улицы. В толпе было тяжело передвигаться, но Барет целенаправленно двигался вперед. Его интересовали нищие, а если точнее, то дети – вечно снующие маленькие мышата. Они были в курсе всего, могли достать любую информацию, когда-то и он был таким, перебиваясь скудным заработком любопытных личностей. Вот и сейчас он довольно быстро нашел группу ребятишек, приютившихся на окраине огромного базара. Они засохшую грязь и грустно осматривали округу.

– Ждут сигнала, – подумал он, внимательно оглядев базарную площадь, и точно вскоре он заметил мальчишку лет пяти, протискивавшегося сквозь ноги покупателей и носильщиков, а вскоре и еще одного. Подростки могли в любой момент начать свою ежедневную игру за выживание, в попытках урвать у невнимательных купцов их товар, а у покупателей деньги.

– Привет, – присев на корточки перед одним из ребятишек, он добродушно улыбнулся.

– Чего тебе надо? Иди куда шел, – тут же вмешался парень по старше, схватив в охапку и оттолкнув младшего.

– Мне нужен купец Глисер, что не так давно торговал здесь. Найдете мне его или скажете, где искать – получите золото, – услышав приятную фразу ребята быстро встрепенулись, старший стал что-то быстро нашептывать своим подопечным, и поддав несколько подзатыльников вновь развернулся к будущему нанимателю.

– Оставайся здесь, мы сами найдем тебя, – коротко отчеканил парнишка и вскоре скрылся с последним из своей команды.

Теперь оставалось только ждать. Тишина уже далеко не в первый раз сотрудничала с местной шпаной. Голодные дети были готовы практически на все что им приказывали, а вот на ник как правило никто особо внимания не обращал.

Еже до полудня прогуливаясь между торговых рядов Барет почувствовал не смелое подергивания. Тот самый пятилетний мальчишка, с которым он и начал разговор стоял у его ног и осторожно теребил его за штанину.

– На базаре его нет, мы все обыскали, – пропищал мышонок, – но вчера вечером его видели в харчевне “Горячий Тунец”. Говорят, он распродал свой товар и собирался отправиться за новым.

– Молодец, – ободряюще улыбнувшись, он взлохматил и без того спутанные волосы мальчугана. – А это, то что вам причитается, достав заранее приготовленный мешочек со звонкими монетами он положил его на маленькую ладошку малыша.

“Горячий Тунец” это могло серьезно осложнить планы. Ему уже не в первый раз пришлось проникать в Ансельм, но стража менялась каждые полгода, а вместе с ней пропадали

и связи. Названная харчевня располагалась на отшибе города и служила скорее перевалочным пунктом для наемников, нежели для купцов, последние предпочитали места по роскошней такие как дом “Ночной Звезды” или харчевню “Опаленный Тигр”.

Проплыв в потоке людей, он покинул центральную часть города, углубившись в более бедные и темные его участки. Вывеска харчевни, выцветшая и облупившаяся, встречала гостей. Внутри было мрачно и сыро, в нос ударял запах алкоголя, а уши глухли от бесконечно брани посетителей и неумелой игры местного барда.

– Что налить? – Барета встретил дородный мужчина со грязными сальными волосами.

– Мне нужен Глисер, говорят, его видели здесь вчера.

– Кто говорит такое?

– Ты правда хочешь это знать? Он мне должен и должен неприлично большую сумму, а теперь пытается скрыться. Хочешь поспособствовать его затее? – времени было мало и терять его совсем не хотелось, поэтому в ход пошли самые радикальные меры.

– Нет, нет, я же просто стараюсь поддержать беседу... – тут же испуганно начал тараторить хозяин.

– Я жду ответа, а мой нож жертвы и как мне кажется для тебя будет лучше если мое желание исполнится раньше, чем моего ножа.

– Ты не посмеешь, в моем доме, на глазах у всех... – мужчина с испугом наблюдал, как рука его собеседника медленно обхватывает рукоять кинжала, – Он здесь у меня, готовиться к отъезду и просил, чтобы его не отвлекали, – не выдержал толстяк.

– Где?

– Там, за прилавком, – мужчина указал на дверь в другом конце помещения.

Резко оттолкнув дрожащего, как осиновый лис толстяка Барет направился к указанной двери. Сегодня ему повезло, купец был в шаговой доступности и того лучше сидел один в небольшой комнатке, а за дверью пировал народ.

Войдя внутрь, и закрыв за собой дверь наемник заметил человека, медленно разбиравшего золотые монеты.

– Кто ты? Что тебе надо, – резко выпрямившись и достав изогнутый кинжал выкрикнул купец, – давай подходи если осмелишься, я и не таких рубал, много вас охочих за чужим добром.

– Ты серьезно? Ты хоть раз то им сражался или только для красоты носишь?

– А ты проверь! А? Боишься? Или проваливай отсюда!

Барет даже с каким-то детским озорством смотрел, как перед ним танцует купец, изображая из себя умелого воина. Он взмахивал мечом, вставал в позы, демонстрируя свой богатый боевой опыт и без конца подначивал соперника, сам при этом не пытаясь атаковать. Барету хватило всего лишь легкого рывка чтобы одним ударом выбить меч из руки хвастуна, а легкой оплеухой он повалил и его самого на кровать к заработанным монетам.

– Хороший клинок... Был когда-то. Ты бы его хотя бы точил временами, – схватив за тупое лезвие он протянул оружие распластавшемуся на кровати мужчине. – Давай по-хорошему, мне твои деньги не нужны, как и сам ты, впрочем.

– Так зачем ты тогда пришел?

– Ты продавал ягоды, продукт дорогой и редкий для наших краев. А значит у тебя есть связи в Ансельме, иначе бы ты не получил товары из долины.

– Так дело ты мое хочешь отобрать? – вновь взревел купец.

– Да угомонись ты уже. Мне нужно покинуть Айленд. Кто твой человек в крепости?

– Айленд значит покинуть, а зачем? – в купце проснулась любопытство и его маленькие глазки хитро загорелись.

– Я ведь предложил тебе по-хорошему. Мне ведь ничего не стоит, сейчас сломать тебе ноги, выхватить кинжал и медленно срезать с тебя кожу, пока ты не соизволишь ответить на

мои вопросы, – любопытство мужчины тут же сменилось страхом, его лицо побледнело, а на лбу выступил пот.

– Морган, я знаю только имя, Морган! – выкрикнул он, – он дежурит по вечерам и с утра у северной башни. Его там многие знают, он часто проносит контрабанду, на этом и зарабатывает.

– Опиши его.

– Что описывать то, гвардеец гвардейцем, как и все другие. Волосы каштановые...

– Что еще?

– Да не знаю я! Не баба он чтоб рассматривал я его, жует он еще все время что-то.

– Ну вот и прекрасно, – вновь улыбнулся Барет. – Приятно было пообщаться, и я очень надеюсь, что ты был предельно искренен, а наш с тобой разговор сотрется из твоей памяти, так как рано или поздно все мы замолкаем. Тишина грядет, – услышав приветствие, лозунг – все, чем является Тишина для населения Айленда купец чуть было не потерял сознание, его ноги тряслись, лицо потеряло остатки красок жизни. – Приятного путешествия, – на прощание выкрикнул Барет, закрывая дверь комнатухи за собой.

Теперь он был на шаг ближе. Купец вряд ли лгал и оставалось только найти этого Моргана, но в любом случае трудности только начинались. Запугать купца дело не хитрое, одного намека об организации членом которой он являлся, зачастую хватало чтобы заставить любого предать все во что он верил и чем дорожил ранее, с гвардейцами же такое не пройдет. Они народ упрямый и алчный по большей своей части, их конечно же можно убить и сделать это будет не сложнее чем с бродягой в закоулках Ниализа, но что это даст?

Оседлав коня и вновь попрощавшись с родными стенами, он двинулся на восток. В отличии от большинства парнишек ему повезло родиться в Ниализе. Он рос и воспитывался на этих улицах, он знал о них все, но пятнадцать лет вылазок за пределы Айленда изменили многое, жаркий, солнечный город уже давно перестал быть домом. В долине ему всегда было уютней, так словно бы он жил в ней с рождения, леса, каменные крепости, реки – все казалось таким знакомым и родным, а песочные стены его родного города с каждым годом становились все более чуждыми и отталкивающими.

К утру, он уже приближался к Фенрезу – самому восточному городу Картели. Война между Долиной и Картелью уже тянулась многие годы, боевых столкновений в ней практически никогда не случалось, но при этом обе стороны делали все возможное, чтобы навредить друг другу. Саботаж, тайные убийства, шпионаж процветали по обе стороны, но, к слову, это никогда не мешало двум соседям тайно торговать друг с другом. Естественно, на любые товары, будь то вкуснейшие деликатесы или дорогие украшения, был введен запрет, но зачастую на рынках Долины, а особенно в Солас Море всегда было можно найти большой выбор шелков, а в домах зажиточных купцов всегда присутствовали янтарь и свежая речная рыба.

Торговой Картели принадлежали разные города и что естественно с разным достатком. В зависимости от статуса купца и его доходов развивался и соответствующий город, отчего существовали как огромные много кварталные поселения с собственной гвардией и дорогими домами, так и полунищие захолустья с землянками и наемниками, присылаемые безмолвными. Фенрез же нельзя было отнести ни к одну из описанных типов, его и городом то было сложно назвать. Образовался он скорее, как перевалочный пункт для контрабанды из долины и уже значительно позже оброс землянками и подобием стены, отделявшим его от степной пустыни.

Народ здесь жил премемерзкий, говоря откровенно, часть из них были заезжими купцами. Что прибывали сюда за товаром от продажных гвардейцев из крепости, но остальная, подавляющая часть, была обычными разбойниками, промышлявшими грабежами. Спрашивать у столь колоритного населения о Моргане было, по меньшей мере, глупо так что, оставалось понадеяться на удачу и отправиться к небольшому оазису вблизи крепости. Там в окружении нескольких деревьев, в тени, он и провел остаток дня.

Караульные неспешно патрулировали стену, периодически подменяя друг друга, но, если верить словам купца, что с потрохами сдал своего поставщика, среди них Моргана быть не должно, и действительно на закате у северной башни появился новый гвардеец. Волос в темноте, да и с такого расстояния, к сожалению, было не разглядеть, но время подходило, да и медлить больше было нельзя, пришлось рискнуть. Пожелав себе удачи и дождавшись, когда мужчина останется на стене один, агент Тишины вышел из своего укрытия.

– Законами ордена Ирдром вам запрещено приближаться к крепости! – громко выкрикнул гвардеец, заметив незнакомца под стеной.

– Дело есть, спустись – обсудим, – стараясь выглядеть непринужденно, ответил на угрозу Барет.

– Дело у него есть, ага, нашел идиота. Ты на купца то не похож. Горло мне перережешь и все конец бедняге Моргану.

– А проку то какого? Я тебя первый раз вижу, с чего ты мне сдался то.

– А ну кто знает, может заказали тебе меня!

– Не переоценивай свою тушку. Спускайся давай!

– Вот с этого бойни и начинаются. Ты верного стража на стене прирежешь, сам проберешься к воротам, да откроешь, а там и все ваше войско внутрь зайдет. Вали-ка ты отсюда!

– Эт какие я ворота открою? Те, у которых подъемный механизм у вас в казарме? Тот что стерегут денно и ночью четверо караульных, не считая все казармы, где отдыхают деневики? Не валяй дурака. Спускайся! Был бы я разведчиком, так пока мы с тобой болтаем, тебя бы уже давно сняли, на стену бы я не один полез, а с кошкой и целым отрядом. Дело у меня к тебе есть говорю, спускайся или я действительно пошел! – Барет решил пойти ва-банк, в надежде, что жадность возьмет верх над гвардейцем, и уже было развернулся, изображая, что собирается уходить как, его окликнули.

– Ладно, щас, только держи руки на виду, – порывшись где-то за зубцом гвардеец вытащил сверток, и закрепив его, сбросил вниз.

“Да, видать, он это на поток поставил” – думал про себя воин, наблюдая как гвардеец спускается по веревочной лестнице вниз.

– Ну, говори, что за дело у тебя?

– Мне бы через стену пройти, надоела жизнь в пустыне, хочу к травке и лесам.

– О как! В цитадель проникнуть хочешь, это не грибочки принести, такое дело дорого встанет.

– Сумма не проблема, – продемонстрировав тугой кошель, набитый золотом, наемник спрятал его обратно.

– На кой мне деньги Картели? Тут дело ведь другое, я тебе услугу, а ты уж будь добр мне.

Такого опытный агент не ожидал, как правило, гвардейцы соблазнялись золотом и впоследствии его обменивали на более полезные вещи у тех же купцов что к ним приходили, некоторые, конечно, были менее сговорчивые, но и там, как правило, удавалось стовориться на каких-нибудь вещах.

– И что ты хочешь в обмен?

– Давай не будем притворяться. Знаешь ты много, чего знать то тебе не положено и выглядишь ты отнюдь не как заправский торговец. Я бы сказал, что ты скорее вор или наемник, но тут что-то чувствую я все гораздо сложнее, – гвардеец лукаво улыбнулся. – Ты нечто больше чем просто обычный убийца, ты Тишина.

– С огнем играешь, называя их имя.

– А что будешь отрицать? Убивай давай, вот он я, спустился. Будь, у тебя другой способ проникнуть в крепость, ты бы здесь сейчас не стоял.

– Чего тебе нужно?

– Вот, правильно, давай перейдем к самому интересному. Тут паренек есть, недавно к нам направлен был. Весь такой правильный и чистый, аж тошно, да и к тому же к нему девка одна прицепилась. Я к ней понимаешь уже полгода хожу, вроде и любезен был и подарки дарить пытался, а эта тварь все ни в какую. И вот посмотрите, тут не прошло и недели, как они вместе, не порядок это. Все, по совести, должно быть. Ты ему исчезнуть поможешь, а я ей утешение принесу. И все довольны, идет?

– Кто этот человек, – мрачно осведомился Барет, наблюдая за улыбкой своего собеседника.

– Да ты утра подожди, он как раз ко мне придет. Проверять... Я знак тебе дам, чтоб ты понял. Как он исчезнет, так и ты вместе с ним. А я ведь и подумать не мог, что на меня сама Тишина работать будет, свезло же!

– Распрощавшись с гвардейцем, Барет направился обратно в свой уютный оазис. Осталось ждать утра, и того бедолагу, что встал у него на пути. Убивать ему приходилось не в первой. На его душе лежали, как постыдные смерти юности, где нищета и голод толкали на радикальные меры, так и мертвецы, чья жизнь забрала жизни многих других.

Дождавшись красного восхода и чуть ли не прыгающего на стене от радости гвардейца, указывавшего на своего сменщика, он тяжело встал. Тело словно бы препятствовало каждому его шагу. Выхватив из-за пояса кинжал, он прицелился в грудь своей жертвы, но вдруг интуитивно пошел вперед. Он не понимал, что он собирался сделать, когда вновь оказался на том же месте под стеной.

– Именем магистрата вам запрещено приближаться! Я вправе открыть ог... – восторженно крикнул воин.

– Сегодня ты умрешь, – всего три слова, вся суть его заказа.

– Что ты сказал? Ты угрожаешь?

– Я предлагаю сделку, – вдруг сам от себя не ожидая, выпалил Барет.

– Ты в своем уме, убирайся отсюда, – подняв лук и прицелившись в незнакомца под стеной, выпалил страж.

– Мне нужно на ту сторону, и я знаю, как мне туда попасть, препятствием служит всего лишь твоя жизнь.

– Я последний раз повторяю, угрозы в адрес гвардейца караются заключением и смертью, убирайся или я стреляю...

Тихий свист, затем хруст и лязг метала, оборвали слова гвардейца. Метко брошенный кинжал, взмыл к стене, точно срубив наконечник стрелы и отскочив от крепостного зубца, спикировал к подножию стены.

– Это не угроза, а заказ, – спокойным тоном, произнес он, наблюдая за ошеломленным мужчиной. – Уйду я, придет другой, и ты умрешь. Спускайся, если бы я хотел тебя убить, то кинжал бы уже торчал из твоей груди.

Мужчина опустил свой лук, на мгновение, задумавшись, он рванул бегом в башню и вскоре показался снаружи. Он шел быстро и уверенно, направляясь прямо на Барета.

– Ты вышел из крепости? И тебя так легко выпустили?

– Кто меня заказал? – глаза гвардейца горели, он крепко вцепился в запястье своего бывшего убийцы.

– Мне нужно пройти через стену.

– Это невозможно.

– Тогда ты не оставляешь мне выбора.

– Ты должен назвать имя.

– Что оно тебе даст?

– Будет суд, он не должен остаться безнаказанным.

– Очнись! Сейчас я убью тебя, и никому ты это имя не передашь.

– Я проведу тебя внутрь, и ты дашь показания на трибунале, дальше, если сможешь выбраться из крепости в город, я не буду мешать.

– Трибунал? Это смешно.

– Ты попадешь в крепость.

Резко развернувшись, парень быстрым шагом направился к крепостным воротам.

– Следуй за мной, – полуобернувшись, скомандовал он. – Живо.

Крепостная решетка, на удивление, была поднята. Такой ее Барет еще никогда не видел. Как правило, внутрь он пробирался, вскарабкиваясь на стену при содействии своего проводника или через слуховые проходы, спрятанные поодаль. Однажды его даже провели по древним катакомбам под самым гордом, но человек, что помог ему тогда, ныне отсутствовал в силу своей рисованной профессии, а сам он никогда бы не смог разобраться в этом спутанном лабиринте.

– Капитан!

– Капитан!

Проходя, мимо гвардейцев, охранявшие ворота, парень лишь сдержанно кивал, а те в свою очередь вставали по стойке смирно, отдавая честь.

Теперь стало ясно, как этот молодой парень так легко вышел из крепости, по всей видимости, он был чьим-то знатным сыном, который в чем-то крупно провинился, раз оказался здесь. “Даа, теперь многое становилось понятно,” – думал он про себя, пока следовал за капитаном стражи, углубляясь в крепость.

Стоило только захлопнуть дверь кабинета, после вошедшего в нее наемника, как парень чуть ли не набросился на Барета.

– Имя! Назови мне имя! Быстро!

– И что будет дальше? Ты вызовешь лорда Ансельма и начнется суд? У меня не так много времени, да и, честно говоря, не стремлюсь я на столь публичных слушаньях побывать.

– Для этого лорд не обязателен. Я командир этой крепости, а она формально принадлежит ордену и у меня есть все права на проведение военного трибунала. Назови мне имя!

– Морган.

– Ах, подлая тварь, поскуда злопамятная, – лицо парня побагровело, а кулаки сжались, так что стали видны белые костяшки пальцев. – Быстро! За мной! – скомандовал он видимо привычным голосом. – Арнольд! Быстро спускайся во двор и бегом к северной башне. Предупреди там Стафорда и перекройте с ним спуск со стены. Рой и Кроу следуйте за мной, – приказал он стоявшим на посту гвардейцам.

Спустившись на этаж ниже, они оказались в столь знакомой наемнику казарме. Здесь отсыпались стражи ночью, а те что в нее дежурили соответственно днем. Отыскать Моргана не составило труда. Злощастный заказчик спал сном младенца на грязной койке у стены.

– Доброе утро, – собрав накопленную ярость, парень со всей силы ударил спящего по лицу.

Проснувшись, он понял все довольно быстро. Нависавшие над ним гвардейцы, готовые по первому же приказу скрутить его, живой капитан и сам убийца – все стояли прямо перед его кроватью.

– Ах, ты ж сучий потрох, – схватившись за голову и изображая раскаянье, Морган замер на мгновение, но тут же резко вскочил, и, оттолкнув одного из гвардейцев, выбежал в первую попавшуюся дверь.

– Хватать его не планируешь?

– Да куда он сбежит? Этот проход ведет на стену и единственный спуск, не считая казармы, пролегает через северную башню, а там его уже ждут. Рой, Кроу, приведите мне его, не обязательно целым, но желательно живым.

Проследовав за двумя гвардейцами, они вышли на стену. Здесь было все видно, как на ладони. Убегающий и постоянно оглядывавшийся Морган, два мужчины, не торопясь шедших

за ним, а вдалеке фигуры гвардейцы ожидавших у подножия лестницы. Он был в ловушке, но пока этого еще не понимал. Но вдруг его бег замедлился, ноги стали заплетаться.

– Пророк Всемилостевый, и это наши воины? Он ведь уже выдохся, – даже с некой горечью произнес капитан.

Несостоявшийся заказчик же уже совсем выбился из сил и даже посланные в след за ним гвардейцы теперь уже просто стояли, наблюдая, за загнанной, задыхавшейся крысой. Морган оперся рукой о крепостной зубец, продолжая оглядываться на стоявших мужчин уже не только со стороны казармы, но и поднимавшихся по северной лестнице. Он схватился за голову, мотал ею из стороны в сторону, шатаясь, побрел к краю стены...

– Держите е... – словно не замечая обрыва, перевалился за край зубца, и рухнул вниз.

– Нет! – тут же выкрикнул капитан. – Суицидник проклятый! Быстро вниз всем, он должен предстать перед судом.

– Капитан, я боюсь, в этом больше нет необходимости, – произнес стоявший рядом гвардеец, вглядываясь в силуэт, лежавший на земле.

– Пророк... – только и смог выдохнуть капитан.

5

– Фьерс, нападайте на их лагерь с запада, и сразу же отходите к лесу. Постарайтесь, как можно больше увлечь за собой людей, нам нужно раздробить его войско. В сорока милях отсюда вас уже ждет Аргон с двумя отрядами лучников, он занял позиции и уже перекрыл дорогу... – командовал, чей-то голос, разбудивший Марка.

Аббат, чуть привстав огляделся, он лежал в палатке, его левое плечо и грудь безумно болели, а голова готова была расколоться на части. Из небольшого проема между тканями открывался вид на клочок поля, усеянного мертвыми телами, вокруг которых в спешке сновали вооруженные люди.

Воины пристально осматривали каждое тело, услышав стоны или заметив любые признаки жизни, они тут же хватали выжившего и уносили за пределы видимости. Молодой парень, облаченный в блестящую на солнце броню, стоял в самом эпицентре этого праздника смерти и выкрикивал приказы, видимо, управляя царившей суматохой.

– Слава Темным богам! Ты очнулся, – обернувшись к палатке, прокричал он и быстрым шагом направился ко входу внутрь.

Но вошел он уже не один, сразу за ним зашел, и юноша примерно его лет, невероятно высокий и худой – молчаливый Джейк, всплыло в голове аббата его имя. Пока Джейк занял свое место около своеобразного входа и выхода из палатки, второй парень приблизился к старику. Его тяжелый взгляд пронзил Марка, лицо юноши было грязным от дорожной пыли, за спутанными волосами уже давно не ухаживали, и они нечесаными патлами спадали к плечам. Усталость и походные условия наложили отпечаток на лицо юного воина, отчего он казался значительно старше своего возраста.

Мысли старика путались в голове, этот парень был ему так знаком, его голос, черты лица, походка – все было настолько узнаваемо, но воспоминания ускользали из памяти, словно вертячая речная рыбешка. Имя Джейка как-то сразу всплыло из глубин памяти, но как звали второго... Что-то мешало вспомнить. Чьи-то слова, выкрики, события, картины, все словно кружилось вокруг него в безумном хороводе, но боль никак не давала сосредоточиться на деталях.

Ладонью аббат прикрыл глаза, яркий свет из проема, ведущего на поле, ослеплял его и отдавался жгучей болью в голове. На какой-то миг он снова оказался в кромешной темноте, наедине с болью, лишь тихое потрескивание огня слышалось откуда-то издали.

– Марк, Мааарк... – в его измученное болью сознание кто-то упорно ломился. Как же не хотелось открывать глаза, снова видеть яркий свет, снова слышать чьи-то голоса и крики, наблюдать за испуганно снующей толпой. Здесь, в его собственном темном мирке он мог отдохнуть, забыть о боли и проблемах, но голос не унимался, становясь все громче и ближе с каждым новым призывом. – МАРК!!! – в одночасье он окружил его со всех сторон, и прогремел, словно раскат грома.

– Да, да. Я все слышу, – аббат, наконец, заставил себя открыть глаза, осторожно привстав, опираясь на стену. Стену? Он огляделся, полумрак щадил его сонные слабые глаза. В центре пещеры догорали угли, от которых исходила эфемерная оранжевая дымка. Память медленно возвращалась. – Сон, это был всего лишь сон, – бубнил он, разминая ноющие мышцы.

– Ты что-то сказал? – голос, как и раньше, отражался от стен причудливым эхом.

– Не обращай внимания. Сколько я проспал?

– Довольно долго, пол дня, наверное, не меньше. Дождь прекратился и твой Рэн, уже мчит за тобой на какой-то дряхлой телеге. Тебе стоит поторопиться, если не хочешь, чтобы он видел, как многоуважаемый всеми аббат вылезает из кустов.

– Если не хочешь, чтобы он поселился в твоей пещере, ты хотел сказать, – передразнил его Марк.

– Голова сильно болит? – уже заботливой поинтересовался невидимый собеседник.

– Бывало и хуже. За удовольствие надо платить, – потянувшись и оглядев напоследок пещеру, старик двинулся к туннелю на поверхность. – Встретимся, как получу новые сведения из Тиретхолла, надеюсь, в следующий раз я не промокну по пути, и кое-кто встретит меня, проявив больше уважения, а не как в этот раз, – быстро преодолев длинный, узкий путь наружу, и выбравшись из сырых кустов ежевики, Марк сразу же увидел знакомую повозку.

Рэн уже видимо начинал беспокоиться, он без конца вертелся на козлах, высматривая аббата в густых зарослях, но боялся подходить ближе, лошадь тем временем лакомилась свежей травой, орошенной прошедшим дождем.

– Аббат Марк, вот вы где, – молодой человек мигом спрыгнул с телеги и, схватив какой-то безразмерный плащ, лежавший рядом с ним, ринулся навстречу монаху. – Вот укройтесь, в телеге у меня еще кувшин с теплым вином и пряностями, а в таверне Элис уже готовит похлебку. Этим утром мы поймали вот такого карпа, – юноша пытался одной рукой поправить сползающий с Марка плащ, другой показать размеры своего улова.

– Рэн. Все в порядке. Я нашел место, где переждал дождь. Потрогай сам, – старик протянул руку, давая ощупать свои рукава. Рэн всегда был активен и что характерно громок, Марка всегда поражала его неутомимость, но сейчас его пульсирующей голове нужна была тишина и покой.

– Да, действительно, – уже как-то рассеяно и все с более нарастающей опаской пробормотал парень.

Тем временем на улице уже свечерело, из аббатства Марк выходил рано утром, но набегавшие тучи и дождь окрасили весь день в похожие друг на друга серые тона. Добравшись до повозки, аббат сбросил плащ, и взобрался, с поддержкой Рэна, на телегу. Сам же парень, вернувшись на козлы, дернул за поводья, и телега медленно развернувшись, направилась в обратный путь.

– Вскоре после того как вы ушли, приехал брат Абель. Элис сказала ему, что вы в лесу, и он отправился в аббатство, – собравшись с духом, наконец, заговорить Рэн.

– Хорошо, в этот раз он что-то рано вернулся. Ничего не говорил?

Брат Абель был мужчиной средних лет, в юности у него была своя ферма в землях Ансельма, но из-за постоянных набегов кочевников ее разграбили, а сам он чудом остался жив. Отчаявшись и потеряв надежду на спокойную жизнь, он пробовал себя в качестве наемника, а позже и писца у младших лордов, но в конечном итоге оказался перед воротами Солас Мора.

Какое-то время он служил там помощником мажордома, но позже был переведен в Родсбери, где стал помогать Марку, и представлял аббатство на ежегодном сборе магистров.

– Практически ничего, он только перекусил и сразу же засобирался.

У таверны их уже встречала хозяйка, видимо заметив приближение повозки.

– Вы как раз вовремя, я только что закончила готовить, все с пылу, с жару. Заходите скорей, сейчас мы вас накормим и высушим, а завтра Рэн отвезет вас домой. – Элис мигом подхватила кувшин вина, обернутого толстым слоем ткани, плащ, лежавший по соседству, и скрылась в помещении таверны.

Марк было хотел направиться напрямиком в аббатство, дабы как можно скорее переговорить с Абелем, именно на ежегодных заседаниях утверждались финансы, получаемые каждым представительством ордена. Тем более что Великий Магистр уже не первый год грозил урезать финансирование в пользу экспедиции. Уже пятый год орден вел исследования на Кальдере – первом континенте людей, считавшемся, долгое время, заброшенным. Временами Верховный Магистр требовал прислать запасы провизии или людей для продвижения ордена вглубь древнего материка.

Но, по всей видимости, поездку в аббатство в любом случае пришлось бы отложить до завтра, так как его уже вряд ли бы отпустили, ночью голодного и сырого, по крайней мере, такого мнения о состоянии аббата придерживалась сама Элис.

– Проходите, проходите, – девушка бегала по залу, расставляя тарелки и кружки по столу. – Аббат Марк, вам сюда, – она указал на стул прямо возле очага, – Вам нужно согреться и обсохнуть.

Марк хотел, было уверить хозяйку, что он переждал ливень и его не сытно, но все же накормили, но не успевал вставить и слово. Элис принесла несколько горячих кастрюль и длинных блюд, перечисляя каждое.

– Бараньи котлеты с жареным картофелем, – она выкладывала в центр тарелки шипящие мясные колобки и окружала их золотистыми кругляшками картошки. – Копченая макрель с анчоусами, – соседняя тарелка была полностью отдана рыбе, а девушка тем временем уже подносила что-то новое. Вслед за макрелью на столе появилась огромная сковорода, с блестящим ярко-желтый толстым блином. – Омлет, – гордо возвестила она, и украсила блюдо, небрежно разбросав пучки петрушки по всему золотистому полю. – Устрицы в беконе, – перечисление блюд все продолжалось, у Марка создалось впечатление, что девушка начала готовить сразу, как только он ушел, обилие, и разнообразие блюд просто поражало. Наконец, в качестве яркой точки она водрузила глубокую чашу, доверху набитую грушами и апельсинами. – А теперь марш есть, – вытирая руки о фартук, скомандовала она, – все посетители уже спят, так что доедать за вас это некому.

– Дорогая – это слишком, – оглядев стол, с истерической улыбкой заключил Рэн.

– Много болтаете, могли бы уже котлеты попробовать, кстати, аббат Маркус, Рэн передал вам, что сегодня прибыл брат Абель. Ничего не случилось? Он, как правило, возвращается на недели две позже.

– Надеюсь, что нет, – монах усаживался за стол, выбирая с чего бы начать это вечернее пиршество. – Я с ним не общался с момента его отъезда, и писем не приходило из Солас Мора. Как он выглядел? Не беспокоило его что-нибудь, внимание не обращали? Может быть, о чем-то упоминал?

– Да вроде бы и нет, много шутил. Правда, выглядел уставшим. Все-таки путь не близкий и наша дорога, особенно на первых милях после поворота с тракта, совсем заросла и стала трудно проходимой.

– Надо будет послать туда ребят Антонию, а то так про нас совсем забудут, – с улыбкой произнес аббат, остановив свой выбор на устрицах.

– Он говорил еще о Тиретхолле.

– Вулкан? – Марк отрезал кусочек омлета, собирая со всех блюд понемногу.

– Да, о вулкане, о письме от лорда Аргера и еще о раненном мальчике.

– Раненном мальчике? – отвлекшись от своей тарелки, он внимательно посмотрел на Элис, – что за мальчик?

– Абель сказал, что лорд Аргер прислал письмо, его зачитывал сам Великий Магистр Льюс, на заседании. Ночью, под самыми городскими стенами на какого-то мальчика напал человек. Лорд Аргер писал, что тот его чуть не сжег заживо, но стража подоспела вовремя и теперь ребенок под надзором мастера Арвуда. Это же, каким надо быть чудовищем, чтобы сжигать невинное дитя? Я еще понимаю простое убийство, защити его Пророк конечно от такого, но в лесах водится немало банд, которые без малейших колебаний перережут глотку ради пары медяков, но творить такое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.